

МАРИНА ГЕРАСИМОВА

Убить Голиафа

Детективный роман

18+

Марина Валерьевна Афанасьева (Герасимова) Убить Голиафа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25207716

SelfPub; 2023

Аннотация

Известный олигарх Олег Айдашев в результате таинственных событий теряет память. Его мать и жена помогают ему восстановить свою жизненную историю с тем, чтобы он как можно быстрее вернулся к управлению своей редкоземельной империей, которой угрожает поглощение западной корпорацией. Как только Олег Петрович встаёт на ноги, он узнаёт, что его потеря памяти неслучайна, и произошла она одновременно с большой семейной трагедией, которая, к сожалению, окажется далеко не последней. Ему предстоит выяснить, кто стоит за гибелью близких ему людей. Все персонажи и события в книге вымышленные.

Содержание

Пробуждение	4
История жизни	18
Женщины	35
Семейная трагедия	49
Под колпаком	65
Договор	79
Послание с того света	90
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Марина Афанасьева (Герасимова) Убить Голиафа

Пробуждение

Я проснулся. Открыл глаза. Тёмная бездна сна в одно мгновение превратилась в яркое солнечное утро.

Белый потолок, украшенный гипсовыми гирляндами орнамента, смотрел на меня со своей высоты. В его глазах – округлых выпуклых зеркалах, расположенных между звеньями орнамента, я увидел размытое уменьшенное изображение лежащего на кровати человека. Это я. Больше некому. Но сверху на меня сразу из нескольких глаз смотрел совершенно незнакомый мне человек. Тёмные, коротко постриженные волосы, круглое лицо. Глаза, скорее тёмные, чем светлые, то ли впалые, то ли синяки под глазами – изображение в зеркалах не слишком отчётливое, да и карикатурное какое-то.

Это я? – в голове медленно всплыл вопрос, подобно тому, как медленно прокручиваются кадры, если замедлить скорость показа. И вслед за ним также медленно всплыл другой вопрос: Кто я? Вместо ответов на эти, казалось бы, очевид-

ные вопросы, была пустота.

Я попытался сосредоточиться, чтобы всё-таки где-то в своей памяти поискать подходящие ответы, и понял, что там ничего нет. Только пустота. Я тыкался и тыкался в эту пустоту, как в стену, которая в момент, когда я проснулся, откуда-то возникла в моей голове, и которую пробить я был не в силах. Я не мог вспомнить, кто я, так же как не мог вспомнить, какой я, как выгляжу. Впрочем, ответ на этот вопрос был в зеркальных глазах потолка, хотя и искажавших действительность, но всё же дающих представление о том, что я мужчина, не молодой, но и не старый, брюнет.

Вот, пожалуй, и всё, что я мог о себе сказать. Негусто получилось.

Я решил поискать ответ на вопрос: Где я? И стал разглядывать комнату. Она не казалась мне знакомой. Я не знал этой комнаты так же, как не знал себя. Высокие с лепниной потолки и стены, пастельные тона, вкрапления круглых выпуклых зеркал в потолке и в верхней трети стен. Слева от меня – два огромных окна, зашторенных светлыми шторами, которые рассеивали свет солнца, от чего воздух в комнате казался матовым.

В этот момент я понял, что знаю: есть солнце, и оно сейчас ярко светит за окном. Я даже понял, что оно уже довольно высоко над горизонтом, значит уже или позднее утро, или день. Я знаю, что такое солнце, что такое день, что такое окно, шторы, потолок. Я даже знаю, что справа от меня стоит

стойка с капельницей, и в правую руку мне сейчас капает какой-то раствор. Роскошь отделки помещения сильно отличается от больничной обстановки, следовательно, я не в больнице. Я и это знаю!

Но почему тогда я не знаю, кто я?

Я попытался вспомнить, что со мной случилось, и опять натолкнулся на тёмную стену в своём сознании. Я не помнил абсолютно ничего. Ни того, что было в недавнем прошлом, ни того, что было в далёком прошлом. Как будто у меня не было ни детства, ни юности. Ничего! Зато я знал, что такое детство! Но его не было!

Видимо, я так пытался сосредоточиться и ускорить смену мыслительных кадров, чтобы получить хоть что-нибудь, кроме пустоты, что даже приборы, которые стояли за капельницей, почувствовали мои потуги и громко заверещали почти одновременно: сначала один, потом другой.

Резко распахнулась огромная белая с пастельной инкрустацией двустворчатая дверь, и в комнату влетели сразу три человека. Темноволосая, с короткой стрижкой женщина средних лет в белом халате, под которым был медицинский костюм светло-голубого цвета, быстро подошла ко мне, наклонилась и заглянула прямо в глаза. Женщина помоложе, в медицинской шапочке, из-под которой на лоб непослушно выбивалась рыжая чёлка, в таком же медицинском костюме, но без халата, нажала на какие-то кнопки на приборах, отчего они тут же перестали визжать, и стала что-то записывать

в журнал, который был у неё в руках.

За женщинами следовал средних лет интеллигентный мужчина тоже в халате, только нараспашку. Под халатом он был одет в строгий серый костюм, ворот светло-голубой рубашки сильно контрастировал с его загорелой кожей.

Женщина постарше, продолжая пристально смотреть мне в глаза, сказала:

– Здравствуйте, Олег Петрович! Как Вы себя чувствуете? У Вас что-нибудь болит?

Вот как! Олег Петрович! Значит это я – Олег Петрович. Теперь хотя бы знаю своё имя.

Я молчал.

– Как Вы себя чувствуете? У Вас что-нибудь болит? – продолжала темноволосая женщина-врач. В том, что передо мной врачи, я не сомневался. Возраст, уверенность в своих действиях, специальная одежда – всё говорило об этом. Я понял, что знаю, кто такие врачи, что одеты они в специальную медицинскую одежду, но я также понял, что передо мной совершенно незнакомые мне люди, которые почему-то меня знают, а я их – нет.

Не дождавшись от меня ответа, женщина-врач в растерянности посмотрела на врача-мужчину. Он подошёл к кровати с другой стороны, также наклонился надо мной и уставился мне в глаза, как будто что-то выискивая в них. Потом он вкрадчиво спросил, обращаясь ко мне:

– Олег Петрович, Вы меня слышите? Если не можете го-

ворить, моргните.

– Да-а, слы-ышу.

Говорил я, но голос свой я также не узнал. Это был низкий, немного хриплый, негромкий голос незнакомца, растягивающий слоги.

Женщина облегчённо выдохнула, выпрямившись.

– Очень хорошо, – сказал мужчина, – мы рады, что Вы, наконец, очнулись.

– На-аконец? – прервал я его вопросом, не понимая, что происходит.

– Вы уже трое суток, как... – он задумался и продолжил, – спите. Как Вы себя чувствуете? Что-нибудь Вас беспокоит?

В его глазах читался интерес. Пока я пытался осмыслить, что же ответить, женщина постарше отошла к подножию кровати, уступив место более молодой, которая поправила капельницу.

Как я себя чувствую? Никак не чувствую. Я вообще себя не чувствую, я не знаю, что должен чувствовать и как, кто я и откуда.

В ответ на моё замешательство, мужчина решил уточнить вопрос:

– У Вас что-нибудь болит? Может быть, голова?

– Не-ет, не бо-олит, – медленно ответил я, вдруг осознав, что мне как-то не очень удобно двигать языком, какой-то он вялый. Также я осознал, что знаю, что такое боль.

– Голова не кружится? – продолжил мужчина, в его глазах

читалось удовлетворение моим предыдущим ответом.

– Не-ет, – я понял его вопрос, но мне не хотелось ничего говорить вообще. Сознание продолжало медленно течь, как при просмотре старой киноплёнки в замедленном режиме, постоянно натываясь на стену пустоты. И опять я знал, что такое замедленное кино.

– Тошнота? – похоже, доктор также решил быть кратким.

– Не-ет, – выудил я из себя, понимая, о чём он меня спрашивает. Ощущение тошноты я знаю, но сейчас его не было.

– Олег Петрович! Вы меня узнаете? – Темноволосая докторша, пристально наблюдавшая за мной, начала о чём-то догадываться.

– Не-ет, – опять ответил я.

В глазах всех троих появилось нескрываемое беспокойство.

– А Вы помните, что с Вами случилось? – теперь спрашивал мужчина.

– Не-ет.

– Ну, это как раз неудивительно, – сказал он рассудительным тоном, обращаясь к обеим женщинам, – имеется выраженный горизонтальный нистагм. Сотрясение мозга налицо.

– Где-е я? – прервал его размышления вслух я.

– Как где? Вы у себя дома, в своей спальне, – стала объяснять темноволосая. Тревога в её глазах начала перерастать в панику, даже слезинка выступила. Но она тут же напряглась, пытаясь сдержать слёзы, и дальше говорить не стала. Ей на

помощь пришёл мужчина:

– Три дня назад утром с Вами, Олег Петрович, произошёл несчастный случай. Вы упали и ударились головой. Конечно, Вам сразу же провели обследование, ЯМР. Всё в порядке: ни переломов, ни кровоизлияния в мозг нет.

Я слушал внимательно, хотя это оказалось нелегко. Его слова с трудом проталкивались сквозь пустоту в моей голове, пытаюсь вызвать какие-то образы. И вызывали. Я знал, что такое ядерно-магнитный резонанс. Но я по-прежнему не знал, кто я.

– Служба Вашей безопасности доставила Вас сюда. Здесь, в Вашей спальне, оборудовали медицинский пост. Виктория Сергеевна – Ваш личный врач, Светлана Геннадьевна – врач-реаниматолог, невролог. Удивительно, что Вы не помните Викторию Сергеевну, ведь она работает у Вас уже несколько лет. Возможно, это действие лекарств...

В его голосе я не услышал уверенности.

– Я же Голиков Аркадий Вениаминович, – представился мужчина, – профессор неврологии. Меня пригласили проследить за Вашей реабилитацией. Я буду навещать Вас каждый день.

Профессор Голиков точно знал, кто он. И знает, кто я. В отличие от меня. Хотя нет, я же теперь знаю имя – Олег Петрович. Знаю, что Виктория Сергеевна – мой личный врач. Я перевёл на неё взгляд. В её глазах читалось искреннее переживание, женщина явно беспокоилась обо мне. Похоже, она

меня давно и хорошо знает. Но я её не знал: ничто в ней не напомнило мне ни о том, кто она, ни о том, кто я.

Возвращаясь взглядом к профессору, который в этот момент рассказывал о своих званиях и регалиях, я спросил:

– Кто я? – мой голос постепенно обретал устойчивость.

– Как кто? – Вопрос не только прервал перечисление его врачебных достоинств, но и поставил в тупик, как самого Аркадия Вениаминовича, так и обеих женщин-докторов.

Беспокойство в глазах Виктории Сергеевны достигло апогея и переросло в панику, и из её глаз всё-таки покатались теперь уже несдерживаемые слёзы, которые я не столько увидел, сколько услышал, потому что она всхлипнула. Действительно, эта женщина знает меня хорошо и потому так переживает. Я опять стал разглядывать её. В поле зрения оказалась и другая женщина-врач, которая, в отличие от Виктории Сергеевны выглядела абсолютно спокойной; в её профессиональном взгляде медика, пристально наблюдающем за мной, я не увидел ни одной эмоции.

В этот момент в комнату вошли два человека в строгих костюмах, без медицинских халатов. По их военной выправке я сразу понял, что они не врачи.

Надо же! Я знаю, что такое военная выправка! Но эти люди для меня также оказались незнакомцами. Седовласый мужчина, далеко не старый, но и не молодой, подошёл к подножию кровати и пристально посмотрел на меня. Более молодой его спутник встал поодаль, ближе к двери. Я понял,

что они находились за неприкрытой дверью, и наш разговор привлёк их внимание, точнее – внимание седовласого. Именно в нём я почувствовал лидера. Второй же военный – подчинённый.

Наконец Аркадий Вениаминович собрался с мыслями и спросил:

– Вы не знаете, кто Вы?

Его вопрос заставил меня вернуться к нему взглядом. Загорелый профессор стоял, слегка склонившись надо мной. Я почувствовал резкий запах дорогого мужского парфюма. Оказывается, я помню, что такое парфюм и какой он бывает.

Профессор Голиков внимательно наблюдал за моей мимикой и глазами. Я понял: ищет подходящий диагноз.

– Не знаю.

– Вас зовут Олег Петрович Айдашев. Вам знакомо это имя и фамилия? – его взгляд был острым, как у коршуна. Надо же я и про коршуна знаю!

– Нет, – медленно выдохнул я.

– Но Вы помните, сколько Вам лет? – продолжил Аркадий Вениаминович.

– Нет.

– У Вас есть жена – Елена Айдашева и двое детей, – вмешалась Виктория Сергеевна, – они сейчас в Лондоне. Вы их помните?

В её голосе слышалась надежда, но я не помнил:

– Нет.

Следом за ней заявил о своём существовании седовласый военный:

– Меня ты тоже не помнишь?

– Не по-омню, – слова давались нелегко. Говорить «нет» было проще.

– Пригласите, пожалуйста, маму Олега Петровича, – попросил невролог Викторию Сергеевну, глаза которой блеснули от слёз. Двое мужчин-военных расступились, пропуская темноволосую женщину-врача, хотя она вполне могла их обойти, размеры комнаты позволяли: и десятерым здесь не было бы тесно.

Когда семейный доктор удалилась, к постели подошёл седовласый военный в штатском.

– Олег! Ты что это надумал? Посмотри на меня. Разве ты меня не помнишь? – Мужчина, стараясь улыбаться дружеской улыбкой, не скрывал своего беспокойства. Он говорил, как шаг чеканил: голос его был резким и отрывистым. Серые глаза же стальным взглядом буквально впились в меня.

– Нет.

– Мы же с тобой столько вместе прошли! Столько пережили! Вспомни, как в прошлом году в тебя стреляли. Помнишь? После приёма у президента. Тебя тогда Джон собой прикрыл, твой личный охранник.

Говоривший седовласый мужчина-военный указал на второго военного, который как будто совершенно невозмутимо

смотрел на меня.

Я не помнил ни как стреляли, ни приёма у президента, ни самого президента, ни своего охранника Джона.

– Не помню, – выдавил я из себя.

Седовласый начал перечислять, по-видимому, значимые для Олега Петровича события из его жизни, но которые мне не говорили абсолютно ничего. Правда, я узнал, что зовут его Виктор, он начальник моей службы безопасности, а по совместительству – лучший друг. Оказывается, у меня такая служба имеется. Ну и крут же я! И опять я поймал себя на том, что знаю, что такое крут. Точнее, я понял, что это что-то такое, что позволяет быть мне не таким как все, значимее, чем другие. Но чем конкретно я крут, я не знал. Только понял, что это так.

Да и Виктор тоже явно был крут. Профессор, стоявший по другую сторону кровати, и бывший, по-видимому, в среде врачей тоже очень крутым, сейчас молчал, как рыба, пока «крутой» начальник службы моей безопасности пытался разбудить мою память, практически прервав его профессиональную деятельность своей тирадой.

Вскоре двери опять распахнулись, и в них быстро вошла уже немолодая женщина относительно хрупкого телосложения, за которой следовала Виктория Сергеевна. Докторша сумела взять себя в руки, и сейчас в её глазах, хотя и читалось волнение, слёз не было.

– Олег! – бросилась ко мне женщина, предположитель-

но моя мама, вынуждая профессора отойти в сторону. Она схватила меня за свободную от капельницы руку, пожала её, затем наклонилась и поцеловала в щёку. Уверенными движениями стала поглаживать мои волосы ото лба к затылку. По-видимому, это был жест, хорошо знакомый её сыну с детства.

– Мне сказали, что ты что-то забыл, – было очевидно, что женщина подыскивает слова, не зная, как спросить. Наконец, она собралась и спросила в лоб:

– Олег! Ты меня помнишь? Я твоя мама.

Я не помнил. И отвечать не пришлось, она поняла это по моим безучастным глазам. Слезы навернулись у неё на глаза. И опять я услышал вскрик с той стороны, где в этот момент стояла Виктория Сергеевна.

– Как же так? Как же..? – запричитала та, что назвалась мамой.

– Ну..., ведь Семёна и... Наташеньку ты... помнишь? – не сдавалась она, быстро и прерывисто проговаривая слова, которые как будто спотыкались об её волнение и надежду.

– Нет, – на большее меня не хватило, да и не требовалось большего в сложившейся ситуации.

– Это же твои дети! Ты их так любишь! – Отчаяние женщины нарастало. Я понял, что она, как мать и бабушка, не может принять тот факт, что отец не помнит своих детей. Её бегающие от волнения глаза чуть ли не кричали, что это абсолютно невозможно.

Вдруг она обратилась к профессору неврологии, резко изменив отчаянный тон своего голоса на наступательно-требовательный:

– Сделайте что-нибудь! Срочно! Сделайте! Вы же профессор, Вам же за это немалые деньги платят. Срочно приведите его в чувство. Олег Петрович не должен быть без памяти. Он должен всё помнить. Люди его уровня не имеют права забывать. Слишком большая ответственность. Вы же знаете, за состоянием его здоровья следит всё правительство. Президент может навестить его в любой момент. Олег Петрович нужен стране в полном здравии.

С каждым последующим словом тон женщины, которая только что была потрясённой и растерянной матерью, становился всё жёстче, выдавая в ней человека, умеющего требовать и даже командовать. Она требовала восстановления памяти у своего сына, отчитывая медработников по полной программе, как будто это благодаря им и влитым ими лекарствам он, то есть я, всё позабыл. Досталось и Виктории Сергеевне, отчего её редкие всхлипы перешли в настоящие рыдания, и другой докторше, чьё имя я успел к этому моменту забыть, впрочем, как и имя профессора. И это меня тоже удивило: я знаю, что у меня хорошая память, и таких вещей, как имена тех, с кем я имею дела, я никогда не забываю. Ну, хоть что-то о себе я помню!

Почему же сейчас я почти всё забыл? Лекарства. Догадаться было нетрудно, именно на них списывала все мои

проблемы с памятью женщина-мать в своём гневно-обличительно-требовательном монологе, который никто из присутствующих не посмел прервать ни единым словом. Даже профессор, который ещё совсем недавно рассказывал мне о своих регалиях тоном человека, знающего себе цену, ни слова не сказал в своё оправдание. Он молчал и внимательно слушал, впитывая в себя информацию так, как если бы это был не простой наезд потрясённой, но очень высокопоставленной матери, а выступление его коллеги на международной конференции. Я и про международные конференции знаю!

Я закрыл глаза. Голоса стали отдаляться, зато появился наползающий на меня из темноты туман, сквозь который отчётливо раздался голос седовласого Виктора – начальника службы безопасности, рискнувшего, наконец, перебить мою мать.

– Анна Андреевна, давайте выйдем и обсудим всё в другой комнате. Олег, по-моему, притомился. Пусть отдохнёт.

– Да, Анна Андреевна, – вторил ему голос профессора, – лучше сейчас оставить Олега Петровича. Пусть поспит. Мы сделаем ему дополнительную капельницу, выведем все седативные препараты. Возможно, память восстановится.

Последние слова я больше угадал, чем услышал, погружаясь во тьму сна.

История жизни

Дни потекли один за другим. Вялость языка и сонливость прошли очень быстро. Чуть ли не на следующий день я уже соображал достаточно споро: многочасовая капельница подействовала.

У меня получалось наблюдать и анализировать всё, что я видел и слышал. Из этого я сделал вывод: что бы там со мной ни случилось, мозг в порядке. Однако моя мыслительная деятельность вертелась вокруг того, что я видел, слышал, нюхал, кушал, ощущал. И не больше. Опереться на события своей жизни, на воспоминания о себе, своей семье и знакомых мне людях я не мог. Как только я пытался вспомнить или представить то, что забыл, – ничего не получалось, тёмная стена беспмятства опять вставала перед моим сознанием.

Уже на второй день после того, как я очнулся, мне принесли семейные фотоальбомы. Женщина по имени Анна Андреевна, назвавшаяся моей мамой, часами сидела рядом со мной и рассказывала мне о каждой фотографии целые истории. Так я узнал, что мой отец Айдашев Пётр Алексеевич – тёзка великого Петра Первого, о котором я, так же как и об отце, слышал впервые. Почему? Если я забыл свою личную историю, причём здесь царь?

Пётр Алексеевич Айдашев был генералом ГРУ. Когда

проходил развал Советского Союза и делёж государственной собственности, ему досталась целая отрасль по добыче одного из редкоземельных металлов, залежами которого богата наша страна. Таким образом, он стал олигархом и из ГРУшника превратился в настоящего капиталиста. Задача перед ним была поставлена следующая: когда всё рухнет и государство не способно обслуживать и содержать как себя, так и свою промышленность, он, как истинный патриот и опытный разведчик, должен был не только сохранить отрасль, но и по возможности приумножить. А также не допустить, чтобы иностранцы воспользовались неразберихой и беспределом, которые творились в стране в те годы и за бесценок прибрали к своим рукам ресурсы и промышленность страны. Тем более что приватизацией занимались люди, ненавидящие всё советское. Они стремились, пусть дёшево, лишь бы быстро, государственную собственность перевести в частную, отрезая, таким образом, возможности реставрации социализма.

Многие предприятия и целые отрасли тогда стали либо целиком частными, либо с долей государственного участия. Из бывших партийных и комсомольских функционеров, государственников, КГБэшников и ГРУшников был сформирован целый класс в государстве – класс олигархов. Впрочем, к ним быстро примазались те, кто «заработал» свои миллиарды «потом и кровью», «тяжко трудясь» на ниве предпринимательства под названием спекуляции, рэкет и беспредел. Возможно, кому-то из первых постсоветских

предпринимателей и, правда, повезло.

Не все олигархи сумели удержать и приумножить доверенное им добро, ведь опыта хозяйствования у них часто не было. Кто-то от роскоши и открывшихся возможностей «с катушек съехал», кто-то спился, кого-то убили, кто-то просто не справился. Более активные и удачливые предприниматели с хорошей поддержкой преступных группировок, практически правивших в стране в девяностые, и спецслужб, как наших, так и зарубежных, заменили выбывших олигархов, и теперь олигархия – это достаточно разношёрстная по своим жизненным идеалам и стремлениям верхушка общества.

В отличие от не справившихся с народным добром олигархов, Пётр Алексеевич оказался хорошим хозяйственником. Отрасль процветала, было подписано множество контрактов на совместные с зарубежными партнёрами разработки и переработку, но контрольные пакеты акций всегда оставались в руках его и государства. Хотя одним перерабатывающим заводом и парой старых приисков пришлось пожертвовать, нерентабельность капиталист себе позволить не мог. Зато оставшиеся заводы мой отец модернизировал и роботизировал, расширил спектр готовой продукции. В общем, сейчас это процветающая отрасль, хорошо поддерживающая бюджет страны, как налогами, так и целевыми вливаниями денежных масс по личной просьбе президента. Кому-кому, а ему не откажешь. Да и отказывать ни Пётр Алексеевич, ни

я, то есть Олег Петрович, никогда и в мыслях не держали. Что мой отец, что я, всегда были патриотами этой великой, хотя и со странной судьбой, страны.

В 1999 году отец скоропостижно скончался от инфаркта: сказались нагрузки, стрессы и разочарование. Особенно последнее. Ему, как бывшему генералу ГРУ, воспитанному при Советском Союзе в духе патриотизма и любви к Родине, было особенно больно видеть, как страну буквально на куски пилили и растаскивали по частям, как его Великую Родину сначала расчленили, а потом почти обанкротили. Ему было стыдно за пьяницу-президента, за людей, чьи человеческие качества добросердечности, искренности и даже наивности, присущие русской нации, сменились непримиримостью, безжалостностью, жадностью и беспредельной тупостью, не видящей ничего дальше столларовой бумажки. Но ещё больше ему было стыдно за себя, за многих своих бывших друзей, сослуживцев, которые во всём этом беспределе участвовали. От этого он стал расслабляться по вечерам стаканом водки. Виски же и джин не пил принципиально, считая эти напитки недостойными русского офицера. Водка тоже внесла свою лепту в развитие инфаркта.

Мама моя, Анна Андреевна, была ему верной супругой и единственной любовью всей его жизни, как и положено верной подруге советского офицера. Не всегда они жили в Москве, была и заграница, и гарнизоны в советских глубинках. Вот и мы с братом родились на Дальнем Востоке. Слу-

чилось это в конце шестидесятых. На свет появились сразу два близнеца: я, то есть Олег, и Дмитрий.

С братом мы были очень дружны и почти полными копиями друг друга, чем часто пользовались, особенно когда дело касалось девушек и экзаменов. Несмотря на внешнюю схожесть, я был больше гуманитарий. Дмитрий же впоследствии стал физиком-ядерщиком, академиком Российской академии наук, автором множества книг по ядерной физике. Я же поступил в МГИМО, закончил экономический факультет, работал вместе с отцом и принял после его смерти всю его империю. И вот уже полтора десятка лет несу эту ношу.

После старых часто чёрно-белых фотографий пошли цветные. Это уже была другая история. В ней я познакомился со своей будущей женой Леной на втором курсе МГИМО. Она же тогда только поступила в институт и была на первом курсе факультета международной журналистики. Наша любовь была яркой и сильной, и ею я уже с братом не делился.

Лена из очень хорошей семьи. Она дочка одного из высокопоставленных дипломатов. Почти вся её жизнь до замужества прошла за границей, но в институт поступила в Москве. Собиралась стать журналистом-международником, как Познер. Однако замужество поставило на её карьере крест. В девяностом мы поженились, через год родился сын Семён, через три – дочка Наталья, или Натали, как её обычно называет Лена. Жизнь к этому времени уже стала другой, семья олигарха – это совсем не семья офицера ГРУ.

Брат также женился, правда, дважды. Первый его брак закончился, почти не начавшись: молодожёны разбежались через пару месяцев после свадьбы. Девчонка оказалась хотя и умной, училась, как и брат, на физмате МГУ, но совершенно не приспособленной к жизни и очень обидчивой. Прямолинейность нашего отца, генерала ГРУ, который видел в новоиспечённой невестке обыденность и серость, желающую примазаться к его сыну, в восьмидесятые годы экипированному по самой последней моде, имеющему все новинки современной техники, сильно ранила её. Гордость девушки не позволила ей сносить колкости отца, да и мамы тоже, и она ушла. Брат горевал, но недолго. Правда, женился во второй раз он только спустя почти двадцать лет. На молодой аспирантке, которой он писал рецензию на диссертационную работу. Как увидел девушку, так и влюбился. Через год у них родился сын, Павлик.

– Где мой брат сейчас? – спросил я Анну Андреевну, которую пока что никак не получалось воспринимать как мать.

Она не то, чтобы растерялась, но как-то вся съёжилась, прежде чем ответила. Было очевидно, что эта тема крайне болезненна для неё.

– Его больше нет в живых, – произнесла она, выпрямив спину, которая в этот момент напряглась так же, как и её душа, – но позволь мне эту страницу нашей жизни пока что не перелистывать. Я обязательно тебе всё расскажу. Чуть позже.

– Давно он умер? – спросил я опять, желая узнать только когда и дальше ни о чём не спрашивать.

– Недавно, очень недавно... Давай не сегодня. – Женщина произнесла эти слова с такой болью в глазах и мольбой в голосе, что я понял, не стоит пока об этом говорить.

В течение нескольких дней я просматривал семейные видеозаписи, на которых были запечатлены родители, брат с семьёй, мои дети в самых разных возрастах: от младенческого до взрослого, ведь сейчас им обоим уже за двадцать. Сын закончил учёбу и возглавил наш филиал в Англии. Дочь учится в самом престижном английском университете.

Был запечатлён на этих видеозаписях и я. Но и на них я по-прежнему себя не узнавал, как не узнавал всех своих домочадцев.

Анна Андреевна сидела рядом и комментировала мне всё, что я просматривал. Когда я уставал от просмотров, то читал книги по истории. Её я тоже забыл, хотя помнил всю или почти всю терминологию, а вот персонажей забыл. Много полезной информации о положении дел в стране, о недавней её истории, мне рассказал Виктор.

Выяснилось, что мой лучший друг и начальник моей службы безопасности Виктор Викторович Пермяков, вот уже на протяжении последних лет двадцати, с тех самых пор, когда КГБ переименовали в ФСБ, и многие офицеры оказались не у дел, перекочевал к моему отцу и стал моим личным телохранителем. Правда, за эти годы связей с этим ве-

домством он не потерял, и, благодаря службе у отца, даже не лишился красной корочки и погон. Больше того, постепенно продвинулся от майора до генерала. И все эти двадцать лет он мой главный советчик, мои глаза и уши, мой щит и меч.

На пятый день меня пришёл проведать президент. Несколько общих слов, пожелание скорейшего выздоровления и возвращения памяти, воспоминание о футбольных матчах, в которых я, оказывается, тоже принимал участие наравне с президентом и другими видными людьми. Встреча заняла чуть больше десяти минут. Но и этот визит не помог мне что-либо вспомнить.

Президента ещё до нашей встречи поставили в известность, что я потерял память. Он выразил по этому поводу беспокойство, сказав, что факт этот разглашать не стоит: чем меньше людей об этом знает, тем лучше. Даже премьеру не стоит говорить, хотя именно с этим человеком я, как мне сказали, дружил.

Помимо президента приходили и другие люди: депутаты Думы, члены правительства. Из них только премьера Виктор подпустил ко мне на полчаса в надежде, что в моей голове что-нибудь всколыхнётся, но не всколыхнулось.

Я видел этого человека по огромному телевизору, который появился в моей спальне на третий день вместе с видео-файлами семейных записей. Но я его не помнил, и не помнил, что мы с ним, оказывается, хорошие друзья вот уже лет десять и столько же лет вместе фанатеем от всяких гаджетов,

автомобилей, яхт и других чудес прогресса.

Надеюсь, он не догадался о моих проблемах с памятью: я слушал, он говорил, а Виктор был рядом и, как только разговор коснулся моих дел, тут же объявил, что профессор Голиков запретил мне говорить о делах. И вообще, мне уже пора отдыхать. Премьер ушёл.

На шестой день из Лондона прилетела моя жена – Лена. Сказать примчалась – нельзя. Ведь прошло больше недели с тех пор, как со мной что-то случилось, но эта тема пока что была под запретом. Как сказал Виктор, мы обязательно обо всём поговорим, но позже, когда я окрепну. Видимо произошло что-то очень серьёзное, раз на этой теме табу.

Лена пришла ко мне в спальню сразу после обеда. Стройная, ещё достаточно красивая женщина, стояла передо мной и пыталась выжать из себя улыбку, в то время как в её глазах читалась усталость от перелёта и хорошо видимая мне печаль женщины, которая в течение последних нескольких лет пребывает в депрессии. Опущенные уголки губ, потускневшие глаза выдавали в Лене не встревоженную супругу, а уставшего от жизни человека. Увидев её в первый раз, я по каким-то едва уловимым признакам понял, что моя жена не чурается алкоголя. В дальнейшем моя догадка подтвердилась. Бокал хорошего вина оказался чуть ли не постоянным её спутником.

– Как ты? – наконец она прервала молчание, как будто решив, что дала мне достаточно времени на разглядывание.

Лена подошла к кровати и поцеловала меня в лоб.

– Хорошо, – попытался улыбнуться я. Не уверен, что получилось. Улыбаться не хотелось. Передо мной был не родной человек, а моложавая незнакомка средних лет, которая сошла в явь с просмотренных мной видео и фотографий, где в большинстве случаев она была значительно моложе и жизнерадостнее.

– Ты меня не помнишь? – решила уточнить она полученную ранее информацию.

– Не помню. Я никого не помню. События из своей жизни тоже забыл, – ответил я.

Указав на телевизор, по которому я перед самым её приходом смотрел очередной фильм из видеоархива семьи, продолжил:

– Вот, изучаю видеоархив. Как будто это всё не со мной было. Чья-то чужая жизнь. А где моя – не знаю.

– Это твоя жизнь, – сказала супруга, – она была яркой и интересной, не отказывайся от неё. Нам есть, что вспомнить.

– Я знаю. Вижу, – опять указал я на застывший кадр, на котором мы с ней и с детьми выходим из моря где-то в субтропиках или даже тропиках.

– Это Сейшеллы, девяносто седьмой, – уточнила жена. Я не стал её перебивать, хотя название места, где мы тогда отдыхали, ни о чём мне не говорило. Я уже понял, что с географией, как и с историей, у меня теперь тоже туго. Хотя, что такое депрессия и алкоголь, почему-то знаю. Она же продол-

жила:

– Мы тогда праздновали там третий Наташкин день рождения. К нам прилетали на пару дней мои родители и сестра, помнишь? Целый остров был в нашем распоряжении. Это было просто восхитительно!

Воспоминания на миг сделали её лицо счастливым. Видимо, там действительно было здорово. Но я не помнил. Она поняла это по моим глазам и опять погрузилась.

– Мы тогда занимались дайвингом, подводный мир очень красив. Мы много ныряли, ещё больше смеялись.

Я ничего не помнил, нажал на кнопку пульта, и фильм продолжился иллюстрацией к её рассказу. Лена села на кровать рядом со мной, и мы вместе досмотрели его. Время от времени она вставляла свои комментарии, машинально спрашивая: «Помнишь?»

Передо мной проплывали дни отдыха чужой семьи. Я видел себя, но это был как будто другой человек. На вид я. Но я его не помнил. Как не помнил ни своей жены, ни детей. Это были чужие мне люди. Абсолютно чужие.

Я нюхал запах её духов, он мне также ни о чём не говорил и даже не очень нравился. Я пытался представить запах моря, запах кожи Лены, но не получалось. Последнее мне даже почему-то стало неприятно. Эта женщина не вызывала во мне чувств. Никаких. Она была мне абсолютно чужой. Получается, я забыл не только события, но и свои чувства? Но ведь я знал из рассказов Анны Андреевны, своей мамы, что

очень любил свою жену и детей. Должно же хоть что-нибудь дрогнуть! Не дрогнуло.

Я дотронулся до руки Лены, потом взял её руку в свою. Ничего. Пусто. Даже тело не отозвалось. Я не реагировал на Лену ни как на близкого человека, ни как мужчина на женщину.

Лена поняла мой жест, как приглашение, и, наклонившись надо мной, прильнула своими губами к моим. Её распущенные до плеч белокурые волосы коснулись моих щёк. Моё тело слегка отозвалось неким намёком на возбуждение, который быстро ускользнул от меня. Этот поцелуй и мимолётное возбуждение также не помогли мне вспомнить свои чувства к этой женщине, которые были отчётливо видны на видео и которые я явно испытывал когда-то. Она всё поняла.

– Ты вспомнишь, ты обязательно вспомнишь, – пообещала она мне и вылетела из комнаты, в своём бегстве скрывая слёзы. Я ничем не мог ей помочь.

Профессор Голиков навещал меня каждый день, как и обещал. Однажды он привёз с собой специалиста по памяти, академика Виктора Эдуардовича Зимницкого. Из его консультации я понял, что случай со мной – нетипичный. Потеря памяти – выборочная, как будто кто-то взял и стёр мою личную историю и то, что с ней связано: людей, которых знал, отношения и чувства, места, где побывал. А также все те знания, которые могли бы мне напомнить что-то, явиться якорями для моей памяти.

Всё остальное я более-менее помню, а если и забыл, то очень быстро выучиваю заново. Вот только свою жизненную историю легко выучить никак не удаётся: события запоминаю, но не вспоминаю. Переживания, эмоции, чувства – всё это осталось только в фото- и видеоархиве. Впрочем, академик Зимницкий обещал заняться восстановлением моей памяти самыми разными методами: от медикаментозных до гипнотического транса. И сдержал своё слово: лекарств стало больше, и уже на следующий день он провёл со мной первый сеанс гипноза. Что я говорил под гипнозом, – не помню. Виктор Эдуардович же заявил, что поломка произошла на очень глубоком уровне, и даже гипноз не помог мне что-либо вспомнить. Последующие ежедневные сеансы также ни к чему не привели. Однако наше общение было не совсем пустым.

Академик Зимницкий оказался очень интересным и многосторонним человеком. Вскоре мы с ним, если не подружались, то стали хорошими собеседниками. Точнее, говорил обычно он, я слушал. Таким образом, мы «обсуждали» проблемы науки в целом и медицины в частности. Эта тема заинтересовала меня. По-видимому, мой брат-близнец, тоже академик, привил мне любовь к подобным разговорам. Много рассказывал Виктор Эдуардович и о феномене памяти, психике, психиатрии. Одним словом, общение с ним стало для меня настоящим праздником, отвлекающим от темноты забвения и неудачных потуг что-либо вспомнить.

Впрочем, интересной собеседницей оказалась и моя мама – Анна Андреевна. От неё я узнал многое не только о своей прошлой жизни, но и о ситуации в стране, правительстве, президенте. Она рассказывала мне о людях, которых знала сама, и которых знает вся страна. То, как она это делала, не было скучным. Наоборот, её слова, сдобренные метким, но не злым, юмором, живыми примерами из жизни, которые она сопровождала обильной мимикой, и чувство такта, которое помогало ей вовремя понять, что я устал, и нуждаюсь либо в переключении, либо в отдыхе, – всё это делало наше общение не тягостным для меня. Напротив, я даже ждал, когда она придёт и устроится в кресле рядом с кроватью, которое появилось в тот же день, как я очнулся.

Общение же с женой Леной не доставляло мне той же радости, что и общение с мамой. Вроде бы и темы для разговоров те же. Но присутствием этой женщины я тяготился. И, по-моему, она это почувствовала. Во всяком случае, дольше получаса в день у моей кровати ни разу не задержалась.

Зато другая женщина, доктор-реаниматолог Светлана Геннадьевна, оказалась настоящей находкой для меня. Она находилась в соседней комнате каждый день, оставляя свой пост только на ночь под присмотром молодого доктора Григория, о котором мне трудно что-либо сказать, так как утром он исчезал, а по ночам я хорошо сплю. Светлана, или Света (так я её стал называть с первого же к ней обращения, чему она, естественно, не противилась), приходила ко мне по

первому зову, стоило только на кнопку на пульте нажать. Звать же я старался её почаще. Правда, только тогда, когда у меня никого не было. Собеседником она оказалась так себе, или мне просто не удалось её разговорить. Чёткие, однозначные ответы, – и всё. То ли она побаивалась со мной разговаривать, то ли ей это было запрещено. Других причин я не увидел, потому что эта женщина не была «блондинкой», интеллект у неё налице, да и оказалась она не много, не мало – доктором медицинских наук. Как я понял, к олигарху без чина не допускают.

Несмотря на то, что пространного разговора не получалось, я просил её посидеть в кресле рядом с кроватью, придумав, что мне так спокойнее. Впрочем, мне так действительно было спокойнее. Она читала, несколько раз даже вязала – я был согласен на всё, лишь бы была рядом. Её присутствие явилось хорошим успокоительным средством для меня, мне нравилось смотреть на неё, чувствовать её присутствие. Я понял, что влюбляюсь в эту женщину.

Виктория Сергеевна – доктор, которая рыдала, когда поняла, что я потерял память, куда-то подевалась ещё в первую неделю после моего пробуждения. Когда я спросил Светлану, куда она пропала, то услышал, что Виктория Сергеевна уволилась, подробностей она не знает.

Несколько раз в день ко мне заходил Виктор – начальник моей службы безопасности. Он тоже вспоминал разные случаи из жизни, в которых мы оба были действующими лица-

ми. Истории часто детективные, интересные, но не больше. Я их узнавал заново.

Так я узнал, что когда-то, ещё в начале девяностых, когда отец набирал охрану, Виктор пришёл к нам сначала как телохранитель отца. Но очень скоро я понял, что он не только хороший телохранитель, но и замечательный охотник. Охота же была моим большим увлечением и одним из немногих пунктов, которые делали нас с братом не совсем одинаковыми, потому что тот был настоящим пацифистом. Как только я осознал, что нашёл близкую душу, то сразу вытребовал Виктора в свои телохранители. Взамен я отдал отцу одного из своих охранников – огромного и всегда невозмутимого бывшего спортсмена-самбиста Джона, которому имя Джон шло гораздо больше, чем чуть ли не ласковое Женя, данное ему при рождении, и которым его никто не называл.

На охоте Виктор заменил собой недостающего мне и не желающего убивать живых существ брата, с которым мы, как истинные близнецы, по жизни были почти неразлучны. Во всяком случае, до последней его женитьбы, когда жена, а затем и ребёнок, заняли его время настолько, что мы стали видеться не чаще раза в неделю.

После смерти отца в моей армии охранников прибыло: в неё опять вернулся Джон. И хотя он уже давно не молод, под его охраной я всегда чувствовал себя в безопасности. Так сказал Виктор, знакомя меня с телохранителями, которые знали меня, но которых не знал я. Джон, как и ещё один

мой телохранитель – Сергей, высокий красивый мужчина, постоянно живут в доме, практически не покидая его. У них нет ни семей, ни близких. Как выразился Джон однажды:

– Вы, Олег Петрович, да Анна Андреевна – моё всё. Почти вся жизнь с вашей семьёй, с тех пор, как в начале девяностых ушёл из милиции и из спорта.

Если Джон знал о моей потере памяти, потому что оказался рядом с Виктором в момент моего пробуждения, то Сергея было решено оставить в неведении, как и всю остальную охрану и прислугу.

Ещё от Виктора я узнал, что люблю и умею играть в шахматы. Действительно, как только он принёс доску и устроил её на моей кровати, я тут же понял, что от меня требуется. Теперь каждый раз, когда Виктор ко мне заходил, он сразу же раскладывал шахматную доску, и все наши с ним разговоры стали проходить за шахматной партией. Играет в шахматы и Джон. С ним я тоже уже сыграл несколько партий и все выиграл, хотя не сразу. Сергей же – моя молчаливая тень. Впрочем, Джон также неразговорчив. Эти двое обычно сидят за дверью моей спальни, и совершенно не лезут мне на глаза, если я их, конечно, не зову. А я их, как правило, не зову.

Женщины

Через две недели я встал с постели, хотя профессор Голиков настаивал на продолжении постельного режима до трёх недель. Но я больше не мог лежать, всё тело ныло и стонало от бездействия, несмотря на то, что его ежедневно полностью массировал доктор китайского происхождения, который почти не говорил по-русски. Он разминал и растирал мои кожу и мышцы, занимался с суставами и позвоночником, и даже делал массаж головы. Кроме того, он каждый день тыкал в меня иголки, налаживая потоки Ци в моём организме. К сожалению, на возвращение памяти нормализация движения энергии никак не повлияла. Зато я почувствовал себя вполне способным вести более подвижный образ жизни, чем лежать в постели, читать, слушать, смотреть видео и играть в шахматы.

Итак, я встал. И сразу же направился в гардеробную, вход в которую был между кроватью и окном. Здесь я увидел невероятное количество костюмов, рубашек и других видов мужской одежды. Всё было аккуратно развешено и разложено. Я выбрал свободные джинсы и футболку синего цвета, такие же синие кроссовки и пошёл гулять по дому. Виктор и доктор Света неотступно сопровождали меня. Я же надеялся на память тела, о которой мне рассказал академик Зимницкий. Может быть, она поможет мне всё вспомнить.

Дом также казался мне незнакомым. Открывая двери комнат, которых было не мало, я ни разу не угадал, что ждёт меня внутри. Я по-прежнему ничего не помнил. Даже, когда сидел в своём кресле в собственном рабочем кабинете, мне не удалось вызвать воспоминания своих былых ощущений и эмоций.

Обедал и ужинал я в компании с Леной и Анной Андреевной, которые не скрывали своей радости, что я вышел к столу. Они дружелюбно разговаривали друг с другом, из чего я сделал вывод, что моя мать и жена хорошо ладят между собой, хотя одновременно сразу двоих у своей кровати я их не видел ни разу. Перед Леной стоял бокал вина, и она время от времени отпивала из него по глотку. Ей хватило бокала на весь обед, который длился минут сорок. Это меня порадовало: значит, моя жена хоть и любит выпить, но до алкоголизма пока не дошла.

После обеда мы перешли в гостиную и удобно устроились в креслах. Женщины разговаривали, время от времени пытаюсь втянуть меня в свой разговор; я же большей частью молчал, слушал и впитывал в себя информацию о быте семьи, детях и общих знакомых. Что я мог обо всём этом сказать? Мне оставалось только вежливо улыбаться.

Ещё через пару дней после ужина я вышел на улицу в сопровождении Виктора. Мы беседовали обо всём, что попадалось нам по пути. За нами молча следовали Света и Джон. Теперь эта парочка сопровождала меня повсюду: Джон, как

телохранитель, а Света, как врач, на всякий случай. Таково было распоряжение Виктора, хотя я и не совсем понимал, зачем моему телохранителю ходить за мной по пятам в моём собственном доме, где секьюрити на каждом шагу, да и камеры повсюду. Против Светы я ничего не имел, её сопровождение мне приятно. Впрочем, и против Джона я тоже ничего не имел, просто не понимаю: зачем?

Вскоре к нам присоединились Лена и Анна Андреевна, которые тут же стали помогать Виктору восстанавливать мои утраченные знания о собственном доме и территориях вокруг.

Мы гуляли по парку вокруг дома, который оказался и не домом вовсе, а настоящим дворцом: кругом мрамор, колонны, скульптуры, лестницы, фонтаны.

Когда я почувствовал усталость и вялость в ногах и сказал об этом Виктору, он пригласил нас всех пройти в беседку неподалёку. Внутри беседки было просторно, по кругу стояло несколько кресел-качалок. Я тут же занял одно кресло и стал смотреть на открывшийся мне вид заката.

Дворец был построен на возвышенности. Вокруг него был разбит парк с аллеями и фонтанами. С западной стороны местность постепенно понижалась, представляя собой достаточно пологий склон холма; внизу, у подножия протекала река. За рекой открывался красивый вид на зелёные просторы и огромный окрашенный в розовые тона купол неба: там сейчас садилось солнце. Удивительное зрелище. Ярро-ро-

зовые всполохи прорывались сквозь череду сизых облаков, подсвечивая их изнутри.

Видел ли я раньше закат? Но ведь я же понял, что это закат. Значит, видел. Но почему сейчас я, как будто впервые в жизни, люблю эту необыкновенную красотой?

Впервые за последние дни я ощутил спокойствие. И понял, что смирился с потерей памяти. Если мир так прекрасен, он достоин того, чтобы его узнавать заново.

Прошло ещё несколько дней. Я уже вполне освоился в доме и в своём прошлом, специально познакомился и пообщался со всей прислугой и каждым из секьюрити, надеясь, что хоть что-нибудь, как крючок, подцепит мою память, и я смогу вытащить за этот крючок её содержимое. Ни у кого из работающих в моём доме моё поведение не вызвало подозрений, потому что, как сказал Виктор, после трагедии, происшедшей со мной, весь старый обслуживающий персонал, был уволен и набран новый. Кроме Джона и Сергея. Да ещё, пожалуй, повара – Эллы Матвеевны, которая была не просто поваром, а подругой Анны Андреевны со времён службы отца на Дальнем Востоке.

Элла Матвеевна также была женой офицера, как и моя мама. К сожалению, она рано овдовела: её муж умер от рака лёгких, он был заядлым курильщиком. Детей у них не было. Зато готовить Элла Матвеевна умела отменно, обучая поварскому искусству скучающих офицерских жён. Спустя годы, когда в дом олигарха потребовался повар, Анна Андреевна

вспомнила о ней, написала письмо и пригласила жить в нашем доме. С тех пор вот уже больше двадцати лет Элла Матвеевна – неизменный повар в доме Айдашевых. Хороший, покладистый человек, чуть младше Анны Андреевны, она стала душой нашей кухни. Конечно, рядом с ней всегда были и сейчас есть помощники, которые под её чутким руководством занимаются черновой кухонной работой. Элла Матвеевна же всегда сама проверяет и закладывает в готовящиеся блюда продукты, тщательно наблюдая за процессом приготовления пищи, снимает пробу.

Надо сказать, факт замены обслуживающего персонала в доме после моего падения меня удивил. Подумаешь, упал, стукнулся головой! Персонал то зачем менять? Виктор объяснил, что сделано это было с целью сокрытия факта потери мной памяти, ведь я мог проколоться перед людьми, некоторые из которых знали меня и мои привычки в течение нескольких лет. Кроме того, они могли рассказать мне о том, что же со мной случилось, а беспокоить меня раньше времени доктора, наблюдающие за мной, запретили строго настрого.

Так я узнал, что всё-таки произошла трагедия, но никто не торопился просветить меня, что же всё-таки случилось. Уклонился в очередной раз и Виктор со словами: «Всему своё время. Ты обязательно всё узнаешь. Никто ничего от тебя не собирается скрывать. Ведь я же говорю тебе, что твоё падение – не случайность». Совсем заинтриговав меня, Вик-

тор сменил тему. Я не стал настаивать, понимая, что из генерала вытащить информацию, которую он пока не желает разглашать, невозможно. В противном случае он бы не был генералом ФСБ.

За прошедшие дни я прочитал несколько книг и прослушал пару лекций по истории, затем перешёл к экономике. Каждый вечер, если погода позволяла, а она позволяла, потому что было начало августа, я шёл в беседку смотреть на закат. Света и Джон (или Сергей), следовали за мной тенью. Таково было условие моего передвижения по дому и парку, озвученное мне Виктором и мамой: доктор и телохранители должны быть рядом. И хотя моё самочувствие, на мой взгляд, в докторе уже не нуждалось, мне это нравилось: пусть Света будет рядом. Пусть молчит, лишь бы была рядом, лишь бы я мог время от времени её видеть.

Иногда к нам присоединялся Виктор, который не всегда был в доме, довольно часто он отлучался по своим делам, или, как он говорил: по долгу службы. Он уже давно не мой телохранитель, а начальник всей службы охраны, которая насчитывает несколько десятков человек, дежуривших по сменам. Впрочем, не только их. Как я понял из рассказов Виктора, у меня есть что-то типа небольшой частной армии. Но пока что он не распространялся об этом, а я не спрашивал. Всеми своё время.

Если приглядеться, то повсюду в отдалении можно было увидеть моих секьюрити. Именно этим словом называла Ле-

на молодых, сильных и почти незаметных охранников. Я ни разу не почувствовал никакой скованности от того, что за мной постоянно наблюдают. Хотя не совсем понимал, зачем нужны такие меры предосторожности, если по всему парку, да и в доме тоже, установлены камеры видеонаблюдения. Но Виктор в ответ на мои сомнения в целесообразности такого сопровождения просто ответил: «Надо».

– Я под домашним арестом? – спросил я его как-то, на что он сразу же заверил меня:

– Нет. Но в том, что с тобой произошло, много неясного, а фигура ты очень важная для государства. Потому лишняя охрана не помешает.

Пришлось согласиться. Да и был ли выбор? Фигура-то я, может быть, и важная, но заниматься вопросами своей охраны не уполномочен. Нет, постоянное наблюдение меня никак не стесняло, Виктор и все остальные, включая высокопоставленных посетителей, были ко мне очень дружелюбны и доброжелательны. Но я понял, почувствовал, да и увидел (потерял-то я всё-таки память, а не глаза и разум), что есть здесь какой-то подвох. Вот только какой, я пока ещё не знал.

В тот день я устроился в кресле-качалке с аналитикой экономического развития страны. Перелистывая страницы, я внимательно разглядывал графики и диаграммы. Объясняющий их текст мне почти не понадобился, я был способен разобраться в цифрах сам. Я уже понял, что профессиональные навыки восстанавливаются быстрее, чем память о собы-

тиях моей жизни. Здесь я хотя бы что-то понимаю, значит, определённые знания имеются.

Доктор Света читала, сидя в кресле-качалке в стороне от меня, в руках у неё был очередной детектив. Она оказалась большой поклонницей этого жанра. Меня это почему-то забавляло. Один раз я даже прочитал одну из её книжек – не захватило: суета сует, человеческая глупость и не больше.

Джон молча стоял снаружи беседки, облокотившись на её ограждение.

Солнце клонилось к закату, ещё немного, и оно коснётся горизонта, чтобы вскоре скрыться за ним до следующего утра. Я отвлёкся от экономических выкладок и погрузился в созерцание. Несмотря на то, что в мою голову загрузили массу информации, в ней по-прежнему было много пустых уголков. И когда я смотрел на закат, я погружался в мысленную пустоту, заполняя её красками заката. Мне нравилось это мысленное безмолвие, полная тишина и спокойствие внутри. Я точно знал, что тот Олег Петрович Айдашев, который смотрел на меня с фотографий и экрана, не знал, что это такое. Это было видно по его лицу, которое не скрывало его постоянной озабоченности и задумчивости. Даже когда он был счастлив, я видел в нём эту задумчивость и даже тревожность.

Пришла Лена, как всегда с бокалом вина. Она тихо села рядом со мной и тоже погрузилась в закат. Я почувствовал напряжённость, исходящую от неё. Эта напряжённость все-

гда была с ней, она как будто уже давным-давно стала её сущностью. И даже вино не снимало её. А может быть, Лена с ней родилась? Вряд ли. Скорее всего, судьба жены олигарха наложила свой отпечаток.

Со времени своего приезда Лена каждый день приходила ко мне, мы с ней разговаривали, но чаще молчали. Как правило, основная наша тема – дети, но с ними в Лондоне не происходило ничего нового, поэтому нескольких фраз бывало достаточно, чтобы описать состояние их дел. К делам же своей империи я пока что ещё не приступал. Профессор Голиков запретил, сказав, что я ещё не готов к работе. Отчасти он прав, нужно набрать багаж утерянных знаний. Но и сидеть без дела мне уже надоело, потому что просматривание чужой жизни, даже если эта жизнь моя, я так за дело и не сумел принять.

– Если хочешь, мы можем сегодня спать вместе. Профессор разрешил, – не отрываясь от заката, произнесла Лена.

Я понял, что она готова выполнить свой супружеский долг. Возможно, сексуальное возбуждение поможет мне что-нибудь вспомнить. И хотя я не чувствовал желания близости с этой женщиной, я ответил:

– Хорошо.

Она как будто облегчённо выдохнула. Я больше ощутил, чем заметил, мимолётный взгляд Светы: докторша всего на мгновение оторвала глаза от книжки. Меня это заинтересовало. Я посмотрел в её сторону. Неужели ревнует? Но она

по-прежнему читала роман. Однако то, что я увидел, вызвало во мне неподдельное и с момента моего пробуждения ещё ни разу не испытанное чувство восхищения.

Женщина в лучах заката на миг показалась мне мадонной с полотна Рафаэля, репродукцию которого как раз сегодня я рассматривал в альбоме. Её блестящие шелковистые волосы спокойными золотистыми волнами, подсвеченными лучами заходящего солнца, ниспадали на плечи. Опущенные глаза и длинные ресницы, которые в этот момент смотрели в книгу, придавали её лицу выражение кротости и внутренней чистоты. Я обратил внимание, что мой личный доктор не пользуется макияжем, а если и пользуется, то делает это очень незаметно. Да и не нужен ей был сейчас макияж: его Величество Солнце своими последними лучами осветило кожу её лица неземными горящими оттенками розоватого золота. Точёный изгиб губ и правильной формы нос делали её лицо абсолютно правильным, достойным кисти художника или руки скульптора. Света мне нравилась и раньше, но красавицей я её не считал. Сейчас же я впервые понял, что передо мной сидит очень красивая женщина. И красива она не только снаружи, красива она внутри. Ведь Солнце никогда не лжёт.

Она почувствовала мой взгляд, подняла глаза от книги и повернулась ко мне. Какое-то мгновение мы пристально смотрели друг на друга. Я увидел её глаза, отражающие закат. В них было столько спокойствия и в то же время печал-

ли, не депрессии, как у Лены, – нет, а именно печали, тихой смиренной печали, которая бывает, когда человек принимает свою судьбу. Это то же чувство, что я испытываю сейчас каждый день: спокойствие и грусть по чему-то ушедшему, и понимание, что это ушедшее должно было уйти. Такова жизнь: в ней всё приходит и уходит.

Света, по-видимому, спохватилось, что негоже ей так смотреть на олигарха-работодателя и уткнулась в книгу. Я невольно улыбнулся, столько в этом её движении было девичьей стыдливости. А ведь она уже далеко не девочка, на вид ей было заметно больше тридцати лет. Действительно, сколько ей лет? Надо будет узнать. Впрочем, мне захотелось многое узнать о ней, о её жизни. Но не сейчас, не при Лене, которая не видела нашего со Светой обмена взглядами. Именно в этот момент Лена, закрыв глаза, подставила лицо заходящему солнцу. Но её лицо не светилось внутренней красотой, не было в нём никакого волшебства. По-прежнему, только усталость от жизни и тусклая грусть. Даже золотистый закат не скрыл этого. Две женщины, одно солнце, и совершенно разная картина.

К нам подошёл Виктор в сопровождении двух мужчин, которые оказались моими старыми друзьями, а также членами правительства. Я их не помнил, хотя уже знал, кто они такие. Виктор меня просветил в течение последних дней обо всех людях, которых следует знать в лицо, потому что они хорошо знают меня.

Завязался разговор, в котором моя роль свелась к слушанию и выказыванию заинтересованности, что должно было заменить дружелюбность, которой нет и, пока память не вернулась, вряд ли может быть. Впрочем, по мере продолжения разговора я понял, что тема меня заинтересовала. Речь шла о последнем заседании правительства, где обсуждались проблемы армии и флота, которые сейчас, когда происходит практически возврат к эпохе холодной войны, становятся первостепенными. А денег-то у правительства не так уж много. Реформ проведено множество, выявлены источники экономики, но результаты использования этих источников оказываются противоречивыми. Возникает много побочных эффектов. Кризис сильно ударил по бизнесу, в том числе, и по отраслям, без которых военные не смогут восстанавливать свой боевой потенциал семимильными шагами.

Я узнал, что в конце прошлого года остановил один перерабатывающий завод, потому что из-за санкций, которые Евросоюз ввёл в отношении к России, спрос на продукцию уменьшился, да и немецкой компании, имевшей в этом предприятии долю, запретили работать с Россией. Правда, на любой запрет всегда найдётся какая-нибудь лазейка. И лазейка очень простая: иметь дело с США, а они уже пусть имеют дело с Европой. На арене появляется посредник, достаточно условный, ведь все большие национальные компании по своей сути уже давно транснациональные.

Таким образом, выслушав информацию о проблемах ар-

мии и флота, я кое-что выяснил и о своём бизнесе, к изучению которого пока не приступал, но понял: пора этим заняться.

Почти стемнело, вокруг зажглись фонари. Как по мановению волшебной палочки, внутри беседки прямо по центру появился большой круглый стол, накрытый чистой белой скатертью. На столе, как грибы после дождя, стали вырастать блюда с фруктами и другими яствами, которые можно есть на ночь, не отягощая свой желудок.

Я уже знал, что Анна Андреевна и Лена – приверженцы здорового образа жизни и здорового питания. Я же, по их словам, иногда позволял себе нарушить диету, но в целом её тоже придерживался. Впрочем, есть не хотелось совсем, а бокал вина, когда молодой официант на подносе угощал напитками гостей, проплыл мимо меня. Таково было распоряжение профессора Голикова: никакого алкоголя даже в небольших количествах. Вместо вина мне принесли стакан апельсинового сока.

Однако посиделки скоро закончились.

– Одиннадцать часов. Вам пора ложиться спать, – услышал я голос своей красавицы Светы, которая поднялась с кресла, показывая всем своим видом, что пора уходить.

– Да, Олег, пора, – поддержала её Лена, – режим для тебя сейчас важнее всего.

Она взяла меня за руку, как будто намереваясь помочь мне встать. Я не стал сопротивляться. Подхватив её под ло-

коть и попрощавшись со своими гостями и Виктором, я направился в сопровождении обеих женщин в дом.

Пока я принимал вечерний душ и обдумывал сегодняшний разговор, Лена пришла ко мне в спальню и устроилась на моей постели. Выйдя из ванной комнаты, я увидел свою жену, укрытую шёлковой простынёй. Я подошёл к кровати, присел на край и огляделся, как будто ждал неизвестно от кого поддержки. С тех пор, как из комнаты убрали всё медицинское оборудование и медицинскую кровать, и в неё вернули мою постель, где могут свободно разместиться не менее четырёх человек, она стала похожа на самую обычную спальню с супружеским ложем по центру.

Лена пришла мне на помощь: она быстро поднялась с кровати, скинув с себя простыню и обнажив своё стройное ухоженное тело, прильнула ко мне и потянула в кровать, приглашая лечь.

– Давай ложись, – произнесла она, расстёгивая пуговицы моей рубашки.

Семейная трагедия

Когда я утром проснулся, жены рядом не было. Хорошо, – подумал я. Секс с ней ничего не помог вспомнить. Приятно, очень приятно, и всё. Я по-прежнему ничего не чувствовал к этой женщине. И то, что она ушла из моей постели посреди ночи, меня не только не огорчило, а, наоборот, я испытал облегчение.

Но облегчение длилось недолго. Не успел я встать, в комнату, предварительно постучавшись, вошла Анна Андреевна.

– Извини, что беспокою, – сказала она. Я уже знал, что бесцеремонно входить в спальню сына, если он уже почти поправился, было не в её правилах. Моя мать была очень деликатной женщиной. Поэтому сейчас она действительно «беспокоила».

Я подвинулся к краю супружеского ложа и сел на кровати, облокотившись на спинку.

– Я хочу сказать..., – она замялась. Наконец преодолев смущение, произнесла:

– Я рада, что у вас с Леной налаживаются отношения. Вот как! Она уже в курсе. Интересно, кто доложил? Лена? Анна Андреевна, будто прочитав мои мысли, продолжила:

– Я сегодня уже видела Леночку. Она такая счастливая!

Ведь вы же раньше были так счастливы! Столько лет вместе!

Последняя фраза прозвучала как-то неубедительно. Да и взгляд Анна Андреевна отвела в сторону.

– Разве? – удивился я. – Насколько я понял, она уже лет десять как в Лондоне живёт. Я же всё больше тут – в России.

Анна Андреевна как-то съёжилась, неуверенно присела рядом со мной на кровать.

– Вы действительно очень любили друг друга. Потому и поженились. Мы с отцом радовались вашему браку. Вы всегда старались быть вместе. А как смотрелись! Загляденье!

Мама, полная счастья и гордости от своих воспоминаний, закатила глаза, как бы приглашая меня почувствовать, как счастлив я был тогда. Или она, ведь в то время был жив мой папа. Я уже знал из её рассказов, что между ними было настоящее чувство. Я молча слушал.

– Потом родились дети, – продолжила она, оживившись воспоминаниями. Она даже начала меня гладить по голове, как будто это я был ребёнком.

– Ты обожал своих детей. Да ты и сейчас их обожаешь, просто не помнишь, – спохватилась она, что говорит обо мне в прошедшем времени.

– Когда дети подросли и стал вопрос об их образовании, вы обоюдно с Леной решили, что учиться им лучше в Англии, – Анна Андреевна как-то опять съёжилась при слове «обоюдно». Я понял, моя мать совсем не умеет врать. И мне это понравилось. Несмотря на то, что она была женой раз-

ведчика и олигарха и мать олигарха, она сумела сохранить искренность и непосредственность – качества, которые не мог не ценить в ней отец и которые сплачивали нашу семью покрепче стали. Её было, за что любить и уважать.

– Понимаешь, дети не могут без родителей. И она поехала с ними. Но ты очень часто, почти каждую неделю приезжал к ним. Когда открылся английский офис, ты даже жил в Лондоне. Всё случилось всего год назад, когда начались проблемы на Украине. Президент дал понять, что всей верхушке России, в том числе и финансовой, следует жить на Родине. Или хотя бы чаще здесь бывать. Ты сразу же согласился, а Леночка не может бросить Натали и Семёна. Тогда между вами произошёл большой скандал. Ты настаивал, чтобы она с дочкой вернулась в Россию. Лена же сказала, что дочь, как и сын, заслуживает самого лучшего образования. За весь этот год ты был в Лондоне всего пять раз.

Рассказ Анны Андреевны подошёл к концу. Я понял, что для матери самое главное – мир в семье. Вот почему на неё произвело такое впечатление наше с женой воссоединение.

Она поцеловала меня, готовясь удалиться, и опять запустила руку в мои волосы. Определённо для неё этот жест – гладить сына по голове, как в детстве, – много значил. Я не сопротивлялся. Я не лежал, а сидел на кровати, и ей сейчас была доступна вся моя голова. Поэтому она провела рукой по всей волосистой части, ото лба до шеи. Вдруг её рука замерла. Сама же Анна Андреевна как будто вся напряглась на

мгновение, после чего резко отшатнулась от меня.

– Дмитрий? – удивлённо спросила она, глядя мне прямо в глаза. Я не понял. Она потрясённо смотрела на меня.

– Что Дмитрий? – переспросил я.

Анна Андреевна спохватилась, что сказала что-то не то, совсем растерялась. Огромным усилием воли она взяла себя в руки, и заговорила:

– Ты, наверное, хочешь узнать о Дмитрие, – начала она несколько торопливо, как будто боясь, что её остановят.

– Да, – успел вставить я, но она уже не нуждалась в моём одобрении. Было очевидно, женщина приняла решение.

– До конца неизвестно, что произошло. Идёт следствие. Пока что рабочая версия следующая: Дмитрий вернулся с симпозиума из Бельгии на несколько часов раньше, чем планировалось. Не утром, а поздно вечером. И застал свою жену в постели с любовником, которым оказался его же сотрудник. Не знаю, что за скандал там разгорелся, на Диму это так не похоже.

Рассказывая, Анна Андреевна как будто избегала моего взгляда, но при последних словах, сделав ударение на имени брата, она бегло посмотрела на меня.

– Он всегда предпочитал отделяться шуточками, если что-то случалось из ряда вон выходящее. Здесь же у него, говорят, рассудок помутился. Он застрелил свою жену и её любовника из пистолета, который хранился у него дома. Также он застрелил и собственного сына, когда тот проснулся и

вбежал в гостиную.

Слова о гибели внука дались Анне Андреевне нелегко. Но она мужественно выдохнула и продолжила:

– Следователь говорит, что Павлик оказался на одной траектории с мамой, и пуля прошла сквозь неё и попала в мальчика. Я не знаю, возможно ли такое.

И опять Анна Андреевна как будто привлекла моё внимание к последним словам, выражающим её сомнение в озвучиваемой ею версии.

– Потом он позвонил тебе, по-видимому, всё рассказал. Ты моментально поехал к нему, охране запретил заходить вместе с тобой в дом. Что произошло между вами – неизвестно. Тебя нашли без сознания с травмой головы, Дмитрий же был мёртв. По-видимому, он тебя ударил по голове, и ты упал, после чего он застрелился. ФСБ проверило эту историю, и Виктор говорит, что они подтвердили, что всё случившееся – бытовая драма. Дмитрий понял, что совершил, и покончил жизнь самоубийством.

К концу рассказа Анны Андреевны я уже свободно читал по её лицу, что всё это чушь и неправда. Не так всё было. Но как? Она либо не знает, либо не может говорить. Скорее всего, не знает. Одно было бесспорной истиной: произошла страшная трагедия, в результате которой женщина, сидящая рядом со мной на кровати, потеряла сына и внука. Я же потерял брата и племянника.

Глаза Анны Андреевны наполнились слезами. Она поня-

да, что не может больше сдерживаться, и выскочила из комнаты.

Я замер в постели, осмысливая услышанное. Бытовая драма? Возможно. Братья олигархов такие же люди, как и все остальные. Но зачем Дмитрию понадобился я, да ещё без охраны? Не хотел, чтобы чужие люди видели его позор, преступление, совершённое им? Зачем бить меня по голове, да так, что я теперь себя позабыл? Не хотел, чтобы я видел, как он застрелится? Может быть. А может и не быть.

Больше в этот день я Анны Андреевны не видел. Позавтракала она у себя, а к обеду не вышла, сославшись на головную боль. Горничная отнесла ей в комнату фрукты и соки.

Я встретился с Виктором и спросил его о случившемся. Он мне почти слово в слово повторил её рассказ. Ничего нового я от него не узнал. Зато он сказал, что профессор Голиков разрешил с сегодняшнего дня вводить меня в курс финансовых дел. Для этого ко мне приехал один из моих вице, который уже не раз навещал меня. Приятный тридцатипятилетний мужчина, сын министра. Немногословный, говорил только по существу, называл меня исключительно Олег Петрович, сам же назвался просто Андреем. Мы заперлись с ним в кабинете, и на меня обрушился шквал файлов сразу на нескольких экранах и огромная доза финансовой информации. Думать о трагедии, о которой я услышал утром, мне не пришлось совсем.

Когда вечером Анна Андреевна также не вышла к ужину,

горничная пошла к ней, чтобы узнать, какие будут распоряжения, но нашла её спящей в своей кровати. Анна Андреевна никогда не спала днём, поэтому горничная сообщила об этом её лечащему врачу, который так же, как и Светлана Геннадьевна, жил с нами.

Ужинали мы с Леной в одиночестве. Виктор уехал по своим делам ещё до обеда и пока что не возвращался. Мой вице Андрей также покинул меня сразу, как только мы с ним закончили запланированные на сегодня дела, пообещав вернуться завтра утром.

– Послезавтра прилетает Семён с Крисом, – сказала Лена. Приезд сына должен был обрадовать меня, и жена ждала именно этой реакции. Но Семён был для меня таким же незнакомцем, как и все остальные, хотя я уже знал, как он выглядит, чем занимается, что любит – практически всё о нём, но не его самого.

– Да, – утвердительно кивнул я, – Андрей уже ввёл меня в курс дела.

Он рассказал мне о том, что Семён прилетает не один. Вместе с ним прибудет Крис Стоун – глава английской транснациональной корпорации, и в ближайшие три дня состоится сделка века, в результате которой я продам существенный пакет акций перерабатывающего холдинга, входящего в состав моей редкоземельной империи. От Андрея я узнал, что с Крисом Стоуном работал ещё мой отец, что у моей семьи с семьёй Стоунов дружеские отношения. Когда я бываю в

Лондоне, Крис с супругой часто навещают нас, да и мы бываем у них в гостях. Больше того, у Криса есть дочь – Лиз, названная в честь английской королевы. Возможно, речь пойдёт о подписании ещё одного договора – брачного, потому что наши дети решили пожениться.

– Крис Стоун – твой хороший друг. Вы вместе уже много лет, – продолжила Лена.

– Да, Андрей мне рассказал.

– Вы шли к этому договору много лет, – продолжила Лена, имея в виду продажу акций, – ты тянул до последнего, и только кризис подтолкнул тебя к окончательному решению, хотя Крис уже давно был готов выкупить контрольный пакет акций холдинга. Но сейчас, когда Президент затягивает гайки, я слышала, в бизнес кругах уже обсуждают возможность частичной национализации. Говорят, от него можно всего ожидать.

Лена говорила, а я чувствовал, что большой симпатии она к нашему президенту не испытывает и уж точно не доверяет ему. Интересно, а как я относился к первому человеку страны? Он дважды заезжал меня проведать, один раз мы даже десять минут побеседовали. На первый взгляд, нормальный мужик, деловой, активный, вполне доброжелателен и открыт для общения; не сразу и поймёшь, что этот человек отягощён бременем царствования. Пока что в моём присутствии никто не высказывал к президенту страны никакого отношения, даже члены правительства, числящиеся в моих друзьях, дели-

катно обходили эту тему. Все разговоры касались исключительно законов, приказов, решений. Причём, высказывалось не мнение относительно подписанных им бумаг, а то, как их выполнять.

– В каких бизнес кругах? – поинтересовался я.

– Я говорила с Женей Костенко. Он действовал на опережение и уже продал оба своих комбината.

– Зачем? – Мой вопрос прозвучал нелепо. Лена удивлённо посмотрела на меня.

– Как зачем? Так спокойнее. Ведь от наших можно ожидать всего: захотят – отберут. Не говоря уже о том, что ему всё время мало: тянет и тянет с нас денег. Теперь ещё что удумали, чтобы деньги держали в стране! Дураков нашёл. А когда контрольный пакет акций у Европы или Америки, уже им решать, где деньги держать.

Ему – это президенту, я понял. Также я ощутил глубокую неприязнь, идущую от Лены. Она явно не поддерживает решения правительства. Интересно, у меня такое же мнение? Андрей и Виктор о моей гражданской позиции пока что ничего не говорили. С моими гостями Виктор всегда был крайне приветлив, впрочем, Лена – тоже. Сегодня я впервые услышал от неё негативные отзывы.

Вот только мама, Анна Андреевна, сетовала на то, что страну пилят и пилят, а деньги из неё уходят и уходят. Я даже узнал от неё о Ротшильде и о том, что он ещё при Ельцине запустил свою лапу в нашу экономику: многие его компании

скупили всё, что смогли и кого смогли. Вот её гражданская позиция ясна: СССР был не сахар, но развал Союза и то, что последовало за ним, – преступление. И так считать ей не мешает положение жены и матери олигархов.

Пока я раздумывал об Анне Андреевне, в столовую вошёл её врач – немолодой мужчина, знающий себе цену, но сейчас выглядевший растерянным и неуверенным.

– Олег Петрович, Елена Васильевна, – начал он взволнованно, – Анна Андреевна мертва.

– Как мертва? – спросили мы оба в один голос.

– По-видимому, сердечный приступ, – сказал он, боясь смотреть нам в глаза.

– А вы где были? – в голосе Лены послышалась сталь.

– Я не знал. Она ничего не говорила, – виновато залепетал доктор, – только перед обедом попросила что-нибудь от головной боли. Я проверил давление, пульс – всё было в норме. Дал ей болеутоляющее и посоветовал полежать. Проверил, чтобы она легла. Но она попросила меня оставить её одну, сказала, что позовёт, если что.

Я не ощутил ни боли, ни сильного волнения, узнав о смерти мамы. Конечно, жалко её, как человека. За время, проведённое рядом с ней с момента моего пробуждения, я успел понять, что Анна Андреевна – хороший добрый человек, достойный уважения. Всегда жалко, когда такие люди уходят. Но видимо, отсутствие памяти защитило меня от излишней эмоциональности.

Лена же расстроилась, в её глазах отразилась тревога, и скрытая, не каждому ясная до этого момента печаль, стала легко узнаваемой. На какое-то мгновение она вся сникла, растерялась, как будто не зная, что делать. Но такая потерянная была недолго. Губы сжались, во взгляде появилась твёрдость. Она встала из-за стола, я тоже, и мы отправились в сопровождении доктора в комнаты Анны Андреевны. Здесь я был всего один раз, когда знакомился с помещениями дворца.

Женщина, которая была моей мамой, лежала лицом к стене на кровати, стоявшей не посередине комнаты, как в других спальнях, а почти рядом со стеной. Только небольшой прикроватный столик-тумбочка отделял кровать от стены.

Мы с Леной подошли ближе и увидели безжизненно-бледный профиль.

– Когда наступила смерть? – спросил я.

Не успел я получить ответ на поставленный вопрос, в комнату влетел Виктор в сопровождении двух ФСБэшников, которых я уже однажды видел у нас в доме.

– Ничего руками не трогать! – отчеканил он.

– Ты думаешь, это убийство? – удивилась Лена. Я даже не успел об этом подумать или мне не хватило памяти, чтобы понять, что, если есть мёртвое тело, то человек либо умер сам, либо ему в этом помогли. Необходимо исключить один из вариантов.

– Нет, не думаю, – опять чеканил Виктор, – но надо про-

верить. Ты же знаешь, всё, что касается вашей семьи, – под особым контролем. Вам обоим лучше покинуть комнату.

Я уже собирался последовать его полусовету-полуприказу, как мой взгляд привлекла небольшая деревянная статуэтка медведя, которая стояла на прикроватном столике. Это была допотопная вещь, из далёкого советского прошлого. Я обошёл кровать и, забыв, что ничего не нужно брать в руки, именно это и сделал. Тут же последовал комментарий Лены:

– Этот мишка – подарок твоего отца маме на свадьбу, ведь они поженились в Сибири, по-моему, в Омске, там и познакомились. Мама всегда его везде возила с собой, считая своим талисманом и оберегом.

Я уже знал из рассказов Анны Андреевны, что она родилась в Омске, окончила там медицинский институт, встретила папу, который был в этом городе в командировке, вышла замуж, и поехала с ним колесить по стране, а потом и за рубеж. По специальности она так никогда и не работала.

– Этот мишка был очень дорог твоей маме. Она с ним не расставалась.

Лена говорила, а я рассматривал фигурку. Я её не вспомнил – это точно. Но почему-то мне очень хотелось держать её в руках, вертеть, как будто медведь мне что-то пытался напомнить.

– Можно я возьму его? – обратился я к Виктору.

– Да бери, – ответил тот, отмахнувшись от старого сибирского медведя, – не думаю, что эта безделушка поможет

следствию.

Мы с Леной вышли. Прежде чем расстаться и разойтись по своим комнатам, Лена остановилась и немного растерянно и грустно посмотрела на меня. Я понял, чего она ждёт.

– Давай сегодня не будем, – спокойно ответил на её немой вопрос я.

– Я могу просто быть рядом, – произнесла она.

Какой же я глупец! – подумал я. Только что умерла моя мама. Конечно, Лена не предлагала мне секса. Она просто хотела быть рядом. Она никак не может понять и смириться с тем, что я не только потерял память, вместе с ними я потерял свои чувства.

– Не надо, отдыхай. Но спасибо за предложение, – попытался я сгладить впечатление от своего отказа.

Я пошёл не в спальню, ведь лечь спать было рано, а в мою личную гостиную. Налил виски, залпом выпил. В комнату тут же влетела доктор Света, как будто она наблюдала за мной.

– Олег Петрович, Вам нельзя пить, – быстро, но твёрдо сказала она.

– Вы что? За мной следите? – спросил с усмешкой я, прекрасно зная, что наблюдение за мной – её прямая обязанность.

– Да, конечно, я всё время неподалёку. Так мне велено.

– Кем велено? – как будто я не знал, кем, но что-то нужно было сказать.

– Ваша мама и Виктор Викторович, когда наняли на работу, сказали, чтобы я всегда была поблизости, но лишний раз на глаза Вам не попадалась. Вы очень не любите, когда кто-то рядом. Вот и охрана тоже всегда рядом, но Вы их не видите. Они меня и научили, как себя вести.

Женщина говорила быстро и выглядела немного смущённой, по-видимому, от того, что ей приходится делать мне замечание.

– Так вы что, всё слышите, о чём и с кем я говорю? – тотальной слежки мне только не хватает. Одно дело – знать, что мои секьюрити и врач рядом, другое – что они в курсе всех моих дел.

– С кем – да, а о чём – нет. Мне запрещено подслушивать.

– Почему же ты тогда услышала, что я наливаю виски? – почему-то перешёл я на ты.

– А я не услышала. Я просто знаю, что в этой комнате на видном месте стоит поднос с виски и стаканами. Вы пошли сюда. Только что случилось большое несчастье. Я подумала, что Вы сразу же обратите внимание на виски, поэтому и вбежала в гостиную. В противном случае я была бы в одной из соседних комнат.

Её рассказ мне показался убедительным.

– И что? Тебя устраивает такая жизнь? Каждый день быть моей тенью. А своя-то имеется?

– Меня наняли не так давно, когда с Вами случилась беда. Я ведь реаниматолог, доктор медицинских наук. Пока что

живу здесь: днём должна находиться неподалёку от Вас, а ночью ухожу в коттедж, где мне предоставили комнату для проживания. Со мной подписали контракт на месяц. Через два дня он заканчивается, и я покину Вас.

– Не понял, – удивился я. – Кто нанял?

– Я же сказала: Анна Андреевна и Виктор Викторович. Виктор Викторович сам участвовал в подборе персонала, а Анна Андреевна дала добро.

– А почему контракт на месяц?

– Потому что я реаниматолог, врач, занимающийся реанимацией неврологических больных. Пока Вы нуждаетесь в моей помощи, я должна быть рядом с Вами. Вы уже почти поправились, и я Вам больше не нужна.

– Я поправился? Разве? Память-то ко мне так и не вернулась.

– Это не мой профиль. Виктор Эдуардович продолжит занятия с Вами. Аркадий Вениаминович будет Вас и дальше навещать. Да и лечащего доктора Вам, по-моему, уже подыскали.

С Виктором Эдуардовичем Зимницким мы занимались вчера. Следующее занятие должно быть завтра. Профессор же Голиков, если в первое время навещал меня каждый день и чуть ли не ночевал здесь, теперь появляется раз в два-три дня. Точнее, за последнюю неделю я его видел всего три раза.

То, что я услышал от Светы, меня совсем не устраивало.

– А ты бы согласилась быть моим врачом на постоянной

основе? – я сразу же перешёл к делу. Во-первых, у меня не было желания привыкать к кому-то ещё. Во-вторых, мне совсем не хотелось отпускать от себя мою мадонну. Мне нравится эта женщина. И если я с кем-то и хочу спать в дальнейшем, то это с ней. Да и почему в дальнейшем?

Она не успела ответить. Я подошёл к ней вплотную, обнял, прижал к себе и жадно впился в её губы. Сначала она стояла, как истукан, но я не отпускал её из своих объятий и не прекращал своего занятия. Вскоре я получил отклик, а ещё через несколько минут мы уже были на диване, стаскивая друг с друга одежды.

Под колпаком

Весь оставшийся вечер мы со Светой просидели на диване, обнявшись и разговаривая. Впервые за всё это время мы активно беседовали, и мне это доставляло огромное удовольствие. До этого, несмотря на то, что Света была одной из моих теней, когда явной, когда почти незаметной, мы мало разговаривали друг с другом. В основном, разговоры касались моего самочувствия. Пару раз она вкратце пересказывала мне сюжеты прочитанных ею детективов. Мне нравился её голос, но не нравились детективы.

С тех пор, как заходящее солнце открыло мне её красоту, прошли всего сутки, но сегодня я продолжал любоваться ею. Я видел, что она действительно очень красива. И ещё я чувствовал, что нравлюсь ей. Нет, она никогда со мной не заигрывала, не старалась мне понравиться. Наоборот, в ответ на моё внимание, она закрывалась, пряталась в молчание и отводила взгляд, стараясь не встречаться глазами с моим взглядом. Возможно, мы бы ещё долго продолжали играть в молчанку, если бы не известие, что через два дня она должна покинуть меня. Эта мысль мне совсем не понравилась.

И ещё: просматривая семейный видеоархив с записями счастливых моментов семьи Олега Петровича, то есть моей семьи, я понял, насколько всё скоротечно и как быстро всё способно измениться. Вот и сегодняшняя смерть Анны Ан-

древны, а ведь я не успел вспомнить эту женщину, не успел назвать мамой. Об этом я тоже рассказал Свете, как и о том, до чего она красива в лучах заходящего солнца.

– Олег, – обратилась ко мне Света по имени, потому что я попросил называть меня без отчества, – как только я тебя увидела, ты был ещё без сознания, то сразу поняла, что могу влюбиться в тебя, как девчонка. Так и произошло. Не думаю, что это правильно, ведь ты, хотя официально и разведён, но продолжаешь жить с женой. Да и для тебя я, наверное, просто увлечение.

Последняя фраза прозвучала так, как будто она закидывала удочку, чтобы проверить, как я к ней отношусь. Может быть, раньше до потери памяти, я и был способен на хитрость, сейчас мне это казалось бессмысленным. Зачем мудрить, когда можно жить просто и говорить, что думаешь.

– Возможно, увлечение. Я ещё пока не знаю. Но хорошее увлечение, оно мне нравится, – улыбнулся я. Информация о том, что мы с Леной официально разведены, была новой для меня. Я обратил на неё внимание, но не стал останавливаться.

– Спасибо, – она тоже улыбнулась в ответ. Я так и не понял, удовлетворили её мои слова или нет.

– Одно я знаю точно, я тебя никуда не отпущу, – добавил я, сильнее обнимая и привлекая к себе Свету, – мне очень нужен врач-реаниматолог, доктор медицинских наук. Поэтому, если ты не возражаешь, мы завтра же подпишем новый

контракт.

Но она возражала:

– Нет, Олег. Это невозможно. Во-первых, у меня есть основное место работы. Но это на самом деле неважно.

Свете вдруг тяжело начали даваться слова. Она как будто подыскивала их.

– Муж не велит? – я впервые подумал, что женщина, которую я уже считаю моей, может быть замужем.

– Нет. Мы развелись три года назад, – её ответ позволил мне выдохнуть с облегчением. И я опять принялся целовать её, желая продолжения сексуального банкета. Однако Света не ответила на моё приглашение. Она вся напряглась и после небольшого замешательства, наконец, выпалила:

– Важно другое. У меня есть сын. Ему девять лет.

– В чём проблема? Пусть живёт здесь, с тобой, – перебил я её, продолжая целовать, ведь ребёнок, в отличие от мужа, – совсем не помеха нашим отношениям.

Я знал, что Света сейчас занимает комнату в коттедже для гостей. Можно выделить ей вместе с сыном весь коттедж. Пусть живут на здоровье. Лишь бы она была рядом.

– Дело в том, что мой сын болен, – сказала Лена, слегка отстраняясь от меня, – у него опухоль мозга. Наши врачи в Бурденко берутся оперировать, но не гарантируют результат. Я списалась с немцами: они гарантируют, только нужны деньги. Поэтому я и согласилась здесь поработать месяц, чтобы заработать денег на операцию. Дело в том, что реани-

матологи, даже доктора наук, много не зарабатывают. Больные и их родственники благодарят нас нечасто, а зарплаты небольшие. Все лавры достаются тем, кто лечит после нас. Павлику же нужна срочная операция. И так уже месяц прошёл, для опухоли мозга это очень много. У нас билеты на самолёт на послезавтра, рейс в 22-30.

Последние слова она выпалила быстро, как будто освобождаясь от последней тайны, разделявшей нас. Я понял, что для матери сын гораздо важнее меня. И это правильно.

– Если нужны ещё деньги – скажи. Это не проблема, – предложил я то, что только и мог предложить в данной ситуации, и тут же решил прояснить интересующий меня вопрос:

– Как долго ты планируешь оставаться в Германии?

– Не знаю. Возможно, врачи не ограничатся только операцией, понадобится лучевая терапия. Я действительно не знаю. Ориентировочно месяц, чуть больше или меньше.

– Жаль, – сказал я, – ты мне сейчас очень нужна. Не знаю, кому доверять. Все готовы мне помочь, любезные, дружелюбные, а у меня ощущение, что что-то не так, что я под колпаком. Скажи, что ты думаешь о трагедии с братом?

Вопрос прозвучал неожиданно, но Света сразу же на него ответила.

– Что думать? Всё написано в газетах. Жена Дмитрия Петровича с сыном и близким другом семьи, сослуживцем Дмитрия Петровича, встретила мужа в аэропорту. На обратном пути машина попала в аварию, все погибли.

Я от неожиданности прозвучавшей версии не нашёлся, что сказать. Молчание повисло в комнате. Света непонимающе смотрела на меня. Наконец я задал совершенно глупый вопрос:

– В каких газетах?

– Да во всех, которые пишут о семьях олигархов и больших учёных. В Интернете много информации. Даже то, что президент выразил Вам соболезнование, попало в прессу.

В голове у меня ничего не складывалось. Где же тогда я получил свою травму? И я задал этот вопрос Свете.

– Не знаю, – ответила она, – мне сказали, что ты поскользнулся в ванной и упал, ударился головой. Вообще-то Виктор Викторович мне строго-настрого запретил обсуждать с тобой детали падения. Мне вообще не велено с тобой разговаривать о чём-либо, кроме здоровья. Даже то, что я рассказывала тебе детективы, было неправильно, и Виктор Викторович меня за это отчитал.

– Подожди, – не понял я, – а откуда он узнал?

– По-видимому, – виновато улыбнулась мне Света, – здесь повсюду есть глаза и уши.

– Хочешь сказать, что кто-то уже знает о нашем с тобой разговоре? – под разговором я понимал не только беседу.

– Думаю, что да. И поэтому, может оказаться, что мне придётся покинуть этот дом уже завтра. Только бы заплатили.

Света говорила спокойно. И я понял, что, пойдя на бли-

зость со мной, она осознавала все последствия.

– Ладно, не волнуйся. Виктора беру на себя. Завтра я тебя не отпускаю. Поедешь, как запланировала. И, как только разберёшься с сыном, возвращайся. Вакансию я придержу. Сыну уход обеспечим.

Я не сомневался, что так и будет.

– Спасибо.

Света, прижавшись ко мне, задумалась о чём-то, она явно грустила.

– Что-то не так? – спросил я её.

– Что Вы? Всё так, просто грустно и страшно, – вернулась она к Вы.

– Почему страшно? Да и кончай называть меня на Вы. Хотя бы когда мы одни.

Она кивнула, но тут же оговорилась:

– Вы, то есть ты, очень серьёзный человек, очень большой. Мне страшно даже в этом доме находиться. Как вы все здесь живёте? Разве не страшно?

Я понял, что она имеет в виду. Этот страх я не раз видел промелькивающим в глазах людей на видео.

– Я, наверное, к счастью, позабыл свой страх. Ты тоже о нём не думай. Это плата за то, что я серьёзный и большой, – повторил я её слова, которые показались мне забавными. Ими она заменила слово олигарх.

Вдруг мне в голову пришла мысль, и я тут же её озвучил:

– Светик! Давай завтра утром съездим в дом брата. Может

быть, эта поездка поможет мне что-нибудь вспомнить. Ты, как доктор, будешь меня сопровождать. Ведь ты же пока моя тень.

Я впервые назвал её Светиком и мне это очень понравилось. Я понял, она мой Светик – мой солнечный лучик, за который я буду держаться, и который обязательно поможет мне обрести мою новую жизнь.

Покинули гостиную мы уже далеко за полночь. Однако это не помешало нам встать в пять утра. Не мне, а нам, потому что Свету я оставил спать с собой, не хотелось терять её даже на ночь. Тем более что я, как выяснилось, разведён, и то, что творится в моём доме, не является секретом для тех, кто в этом заинтересован. А вот кто заинтересован? С этим ещё предстоит разобраться.

Я разбудил Виктора своим звонком и попросил, чтобы через полчаса подогнали машину, объяснив ему, что хочу с утра пораньше до прихода Андрея съездить к брату. Возможно, это поможет мне что-нибудь вспомнить. Виктор засомневался:

– Может быть, не стоит.

– Стоит, – твёрдо ответил я. Если я под домашним арестом, сейчас я это узнаю. Но Виктор согласился. Значит, не под арестом.

Пока я ждал Свету (она ушла к себе переодеться), я тщательно осмотрел свою ванную комнату. Одна дверь ведёт в спальню, другая – в гардеробную. Никаких признаков своего

падения я не нашёл ни в ванной, ни в гардеробной, хотя, если подумать, вряд ли они могли быть: не мог же я затылком мрамор проломить.

Когда мы со Светой вышли из дома, нас ждал лимузин и две машины сопровождения. Виктор разговаривал с Джоном, которому предстояло ехать в одной из сопровождающих машин.

– Светлана Геннадьевна пусть сядет вон в ту машину, – указал Виктор на одну из машин сопровождения, к которой направился Джон. Я хотел было возразить, но Виктор пресёк мои возражения:

– У меня к тебе разговор, Олег. Конфиденциальный.

Я понял, что Виктор хочет сообщить мне что-то важное. Так и оказалось. За полчаса мы домчались до дома брата, и за эти полчаса я узнал следующее.

Трагедия с братом действительно произошла так, как её описывала Анна Андреевна. Но, чтобы не втягивать в это дело моё имя, была проведена целая операция, в результате которой официально для всех непосвящённых произошла авария, в сми попали даже фотографии и видеозаписи разбитой машины с погибшими в ней людьми: моим братом, его семьёй и сослуживцем. Я же «грохнулся» в своей ванной комнате, когда узнал о том, что мой брат погиб вместе с семьёй. О том, что я потерял память, знает очень узкий круг приближённых, из-за чего до сих пор ко мне пускали только самых проверенных и надёжных людей, все остальные остав-

ляли свои соболезнования за порогом. Да и эти допущенные ко мне проверенные и надёжные, почти все, о моей потере памяти не знают. Но так вечно продолжаться не может.

Похороны моего брата и его семьи прошли со всей необходимой случаю помпезностью, ведь он был выдающимся учёным. Почтить его память пришло огромное количество народа, чуть ли не вся РАН. Тот факт, что меня не было на похоронах, объяснили тем, что я упал и получил сотрясение мозга.

Теперь же, когда умерла моя мама, я непременно должен присутствовать на её похоронах, которые пройдут через два дня. Ночью уже провели вскрытие и выяснили, что причиной смерти стал обширный инфаркт миокарда. На всякий случай взяли все пробы на токсикологию, хотя в данном случае всё предельно ясно: старушка понервничала, и сердце не выдержало.

То, что Виктор назвал Анну Андреевну старушкой, как-то покорило меня. Ей было-то всего семьдесят три года. А выглядела она чуть старше меня. Но ещё больше меня удивил тот факт, что Виктор знал, что она понервничала. Я переспросил:

– Она разве нервничала вчера?

Виктор выразил недоумение:

– На неё столько всего свалилось в последнее время. Я думаю, она нервничала постоянно. Ведь прошёл всего лишь месяц с трагедии, да и твои проблемы с памятью её очень

тревожили.

То ли выкрутился, то ли сказал правду. Но я всё-таки в лоб спросил:

– Виктор, в доме тотальная прослушка?

Он помолчал недолго, но затем всё-таки признался:

– Да.

– Почему? – я не то, чтобы начал злиться на такой беспредел, скорее, мне действительно было непонятно: зачем. Видеокамеры почти везде, кроме личных комнат. А теперь ещё и прослушка.

– Олег, – начал он чеканить слова, – месяц назад в твоей семье произошла трагедия. Мы приняли версию, что это была бытовая драма, но есть доля процента, что это хорошо спланированная западными спецслужбами операция, возможно даже покушение на тебя. И пока эта доля процента имеется, ты под тотальным наблюдением. Прости.

– Вы в чём-то подозреваете меня? – спросил я в лоб.

– Нет, что ты! – Как-то очень поспешно ответил Виктор. И тут же объяснил, что для них, т.е. моей службы безопасности, а также службы безопасности Российской Федерации, сейчас важно, чтобы каждый момент времени я был под наблюдением. Если покушение не удалось, возможна вторая попытка.

Убедительно, но я почувствовал, что Виктор что-то не договаривает.

– Тебе не стоило спать со Светланой, – после небольшой

паузы сменил он тему, – это может расстроить Лену. Тебе сейчас лучше, чтобы она была твоим другом. Тем более что она сделала шаг на сближение.

– Я действительно разведён? – задал я вопрос, который интересовал меня больше, чем переживания Лены.

– Официально – да. Во многом этот развод условный: часть твоего имущества переведена на неё и детей. Это важно на случай, если в стране что-то случится, или ты окажешься неугоден. Сам понимаешь, вся жизнь – по лезвию бритвы.

– Какое имущество?

– Недвижимость. В основном, заграничная. Также ты перевёл на сына контрольные пакеты по зарубежным заводам. Есть и капитал в банках. Ты лучше Андрея спроси, он тебе всё расскажет подробнее.

Да, вчера мы с ним разбирали состояние отрасли, активы и пассивы, фонды и биржи. Пора узнать, что имею я, и что имеет моя семья.

– Кому выгодна моя смерть? – спросил я.

– Многим. И тем, кто хочет, чтобы ты не подписывал контракты, отдающие контрольные пакеты акций перерабатывающих заводов в иностранные руки. И тем, кто хочет их подписать, ведь твой сын Семён более сговорчив, а ты всё сомневался – стоит, не стоит это делать. А также всем, кто ненавидит олигархов, винит их во всех несчастьях страны, жаждет смены власти. И даже тем, кто – за нынешнюю власть. А ещё другим олигархам, которые хотят урвать от те-

бя. Политикам и чиновникам, которым ты, как кость в горле: финансово поддерживаешь Кремль, а значит, не даёшь выполнить задание Вашингтонского обкома. Да и Кремль, благодаря финансам таких как ты, может себе позволить, как Эйнштейн, язык показать заокеанским и европейским партнёрам. Кое-кого, в том числе и в правительстве, такой расклад не устраивает, ведь большинство сильных мира сего уже давно американцы или англичане. И многим, многим другим. Даже мне – никакой личной жизни, пока я на службе у тебя.

Когда Виктор произносил последнюю фразу, он улыбнулся, показывая мне, что это шутка.

– Получается, куда ни кинь – все хотят моей смерти, – улыбнулся я иронии судьбы олигарха, но невесёлая получилась у меня улыбка.

– А ты что хотел? Такова обратная сторона сладкой жизни.

– Сладкой жизни? – удивился я.

– Но это те, кто её хлебнул, знают, что этот сладкий пирог постоянно норовит поперёк горла встать. Для остальных он самый, что ни на есть сладкий и желанный.

Виктор рассмеялся.

– Ладно, не дрейф. Судьбу не выбирают. Но со Светланой будь поосторожнее. Приезжает Семён, англичане. Пусть всё будет чинно. Да и зачем она тебе? Ты всегда снимал напряжение с молоденькими и красивыми девушками – насто-

ящим достоянием России.

– Она завтра уезжает, – я не ответил даже улыбкой на его смех и желание свести наши отношения со Светой к пустому времяпровождению, – у неё болен сын.

Виктор кивнул – он знает.

– Удвой её гонорар.

– Зачем? У неё и так хорошие условия.

– Тогда утрой. Ей деньги сейчас очень нужны.

– Ладно, – смирился Виктор.

Дом брата был опечатан. Но Виктор сорвал пломбы, и мы в сопровождении Джона вошли внутрь. Светлана осталась в машине, так велел Виктор. Я прошёлся по первому этажу. Не знаю, на что надеялся.

Потом мы поднялись на второй этаж. Когда вошли в комнату, где произошла трагедия, я ничего не почувствовал. Как будто меня здесь никогда не было. Ничто не откликнулось во мне.

Виктор показал, где кого нашли. В комнате всё было тщательно убрано, даже следа не осталось от происшедшей здесь трагедии.

Обойдя весь дом, я захотел ещё раз зайти в рабочий кабинет брата. Я сел за его огромный письменный стол, на котором лежала стопка папок с бумагами и небольшая кипа книг по ядерной физике. Среди последних я увидел книгу, автором которой был Дмитрий Петрович Айдашев, академик российской академии наук, доктор физических наук.

Я открыл книгу и начал читать. Виктор недовольно устроился в кресле неподалёку. Он уже несколько раз говорил о том, что нам пора возвращаться домой. Интенсивность движения на дорогах возрастала с каждой минутой, а пробки нам ни к чему. Машины с синими мигалками, конечно, проедут сквозь любую пробку, но зачем терять время на выруливание, когда можно за пару десятков минут преодолеть расстояние в полсотни километров без потери времени.

Я же увлёкся книгой. И что самое удивительное, я понимал всё то, о чём в ней было написано. Даже больше – меня захватило чтение книги по ядерной физике! Но я решил не испытывать терпение начальника службы своей безопасности, а по совместительству – генерала ФСБ, и мы отправились домой. Книгу я прихватил с собой.

На обратном пути Света сидела в машине рядом со мной. Я обнял её и притянул к себе. Так мы и ехали всю дорогу молча, ощущая тепло наших тел, зная, что скоро придётся расстаться. Пусть хотя бы эти двадцать-тридцать минут будут нашими.

Договор

Весь день Андрей знакомил меня с делами моей империи. Я схватывал всё быстро, даже Андрей удивился:

– Ну, Вы, Олег Петрович, молодец! Потеря памяти пошла Вам на пользу! Думаете очень быстро и качественно.

Говоря, что «потеря памяти пошла мне на пользу», он виновато улыбнулся, как бы прощупывая, как я среагирую на такую фамильярность. Но я уже знал, что Андрей – это человек, которому я доверял и который всегда говорит искренне, за что я его и любил, хотя иногда он и получал от меня по шапке за не самую лицеприятную правду. Прямо, как в сказке Леонида Филатова:

«...Лучше горькую, но правду, чем приятную, но лезть, только вот за эту правду лет на десять можно сесть». Эта сказка была моей любимой, на видео я её часто цитировал. Поэтому, изучая видеоархивы, я просмотрел и запись сказки. Она мне понравилась так же, как нравилась раньше, до потери памяти.

Я улыбнулся в ответ на шутку Андрея, показывая, что она оценена по достоинству и не вызывает у меня агрессии. Тем более что я был с ним согласен. Видимо, мой пустой мозг способен воспринимать огромное количество бит информации именно потому, что он пустой, неотягощённый всякой ерундой, называемой жизнью.

Я действительно, кроме получаемой от Андрея информации, ни о чём не думал. Света, я знал, находится неподалёку. Это успокаивало меня и подбадривало, ведь впереди наша с ней ночь, возможно, последняя, но наша.

Лена готовилась к приезду сына и английской делегации. Из утреннего разговора с ней за завтраком я узнал, что моё участие не требуется, всё будет сделано без меня, как, наверное, всегда и было. Лена вела себя как обычно. Я понял, она была не в курсе наших со Светой отношений.

Виктор занимался своими делами, включая организацию похорон. Как я понял, будет много людей, в том числе члены правительства и финансовая верхушка. Анна Андреевна была очень уважаемым человеком, женой и верной подругой одного из самых первых олигархов и моей мамой. Кроме того, она была общительной и посещала все элитарные мероприятия: от приёмов до благотворительных концертов. Потому её знали многие, и многие хотели проводить эту выдающуюся женщину в последний путь.

Кстати, она широко занималась благотворительностью. Сегодня я узнал, что у меня есть фонд, куда идут пять процентов моей прибыли, и мама была президентом этого фонда. Средства же фонда тратятся на помощь бывшим офицерам ГРУ, ФСБ (или как раньше называли – КГБ), армии, флота, которые в результате сокращений и реформ остались без работы, часто без нормального жилья, есть среди них и инвалиды, и участники боевых действий. Эти люди оказа-

лись ненужными государству, которое не может им помочь, ведь денег на социальные сферы катастрофически не хватает. Или не хватает желания их найти и делиться с простым человеком. Мой же фонд может себе это позволить: многие офицеры прошли переподготовку за счёт фонда и освоили востребованные специальности. Многим фонд помог трудоустроиться, например, в охранные структуры, в частные армии, в том числе и в мою. Так что Анна Андреевна Айдашева, в отличие от меня, нажила за свою жизнь не столько врагов, сколько друзей, многие из которых обязательно придут на торжественную церемонию похорон.

После обеда, ближе к вечеру, приехали ещё два моих зама – Денис и Альберт.

Денис входит в сотню топ-менеджеров страны, является талантливым руководителем, возглавляет добывающий сектор. Альберт – тоже топ-менеджер, возглавляет перерабатывающий сектор. Ни Денис, ни Альберт не должны знать, что у меня проблемы с памятью. Этот факт держится в секрете практически от всех, потому что, если кто-то лишней об этом узнает, меня могут объявить недееспособным. А этого Кремль допустить не может. Как я понял, даже мои дети, которые приедут завтра, не знают о моей потере памяти. Смерть бабушки внесла свои коррективы: вместе с Семёном и англичанами приедет и моя дочь Натали, чтобы участвовать в похоронах.

К приезду Альберта и Дениса Андрей успел мне расска-

зять кое-что о моих топ-менеджерах, а Виктор, который тоже появился к этому времени, проинструктировал, как мне следует себя вести, чтобы мои топы не заподозрили, что я потерял память.

Совещание длилось три часа. В основном, обсуждались детали предстоящего визита англичан, программа, тексты договоров. Я преимущественно молчал и слушал – так мне велел Виктор. За меня большей частью говорил Андрей.

Денис и Альберт вряд ли могли что-либо заподозрить, ведь обычно именно Андрей и вёл все совещания, я же, если и присутствовал, то только вставлял замечания, комментировал, выносил резюме. Сейчас же я и этого не делал. Такое моё поведение вполне оправдывало положение дел в семье: смерть мамы, недавняя гибель брата и его семьи. Да и собственное сотрясение мозга, которое на целый месяц выбило меня из колеи дел, могло сойти за причину моей молчаливости.

Однако я тщательно прочитал текст договора о продаже пакетов акций двух моих заводов, который привёз Альберт. Я узнал, что текст был подготовлен англичанами и согласован с главой лондонского филиала, т.е. с Семёном. В обмен я получал акции африканского рудника.

Я почувствовал, что-то тревожило Альберта, татарина по национальности. Но он, по словам Андрея, – человек, который никогда ничего не говорит прямо, такова его манера общения: начинает издали, предоставляя своему оппоненту

самому прийти к выводам, которые ему нужны.

Вот и сейчас он только сказал:

– Обрати внимание на пятый и шестой пункты.

Но я прочитал всё. И мне не понравились не только пятый и шестой пункты. Мне не понравился весь договор, в котором я ощутил директивность и бескомпромиссность. Как я понял, Олег хотел продажей акций помочь заводам инвестициями, в договоре же речь всё больше шла об ограничениях и ответственности.

Оттолкнув его на стол от себя, я откинулся на спинку своего кресла. Я думал, пытался осознать, что не так и как это исправить.

Наконец, заговорил Андрей, который также прочитал свой экземпляр договора. Его резюме было, как всегда, чересчур прямолинейным:

– Мы не можем подписать этот договор. Кремль за это сделает нам всем кровопускание, и тебе в первую очередь.

Последняя фраза была адресована мне. Я обратил внимание, что Андрей заговорил на ты. Значит, так мы всегда общались раньше. Его Вы – это всего лишь дань моей забывчивости.

– Да, не можем, – согласился я.

– Но и исправлять мы ничего не можем, – хитрый татарин Альберт произнёс эту фразу так, как будто задал вопрос: так можем или не можем?

Я посмотрел на Андрея, который был универсален. Он –

моя правая рука, также может помочь и в вопросах юридических. Во-первых, у него целый штат самых высококвалифицированных юристов, во-вторых, он сам крайне умный и образованный человек, имеет три высших образования: экономист, юрист, менеджер. Причём, два из них он получил за границей. Знает пять иностранных языков. Учитывая его личные качества, высочайший уровень интеллекта, я держал его при себе раньше и, безусловно, продолжу эту традицию в дальнейшем.

– Можем, – ответил Андрей, – с этим договором вообще-то много странного. Он какой-то скоропалительный. С нашей стороны в его разработке участвовал только английский офис, а ведь значимость договора далеко не локального уровня.

– Да, – поддакнул Альберт и то ли недовольно, то ли обиженно продолжил:

– Я так и не понял, Олег, почему ты меня отстранил. Больше того, к тебе столько времени никого не пускали, что уже поползли слухи.

– Какие слухи? – заинтересовался я, что могут обо мне говорить подчинённые и знакомые.

– Нехорошие, – только и ответил Альберт.

Понимая, что большего он не скажет, на помощь ему пришёл Денис:

– Кто говорит, что ты тяжело болен, чуть ли не с ума сошёл от горя. Или ушёл в длительный запой, что, по сути, одно и то

же, потому что за тобой такого не водилось. Другие говорят, что ты под домашним арестом, что Кремль тебя уличил в чрезмерном выводе капитала и чуть ли не в предательстве.

Я молча обдумывал услышанное. В разговор вмешался Виктор, который до сего момента молча сидел в стороне, следя за ходом разговора.

– Полная чушь по поводу домашнего ареста. Президент дважды навещал Олега, премьер бывал здесь каждую неделю. Вот только на этой неделе его не было, так ведь он в отпуске, отдыхает на море. А вот то, что Олег перенёс сотрясение мозга, никто не скрывает, это известно всем. Теперь профессор Голиков разрешил ему вернуться к делам, поэтому мы именно сегодня здесь и собрались. А не раньше. Здоровье Олега превыше всего. Кстати, профессор по-прежнему настаивает, что волнение и переутомление пока что нужно по возможности исключать. Так что, господа, быстрее решайте, что делать с договором и баиньки.

Я что-то начал понимать. И первое, что я понял: я действительно под домашним арестом. Отсюда и прослушка, и видеонаблюдение, которое, возможно, установлено гораздо шире, чем видно непосвящённому глазу. И визит в дом брата этого не отменил. Также я понял, что чем-то дал повод англичанам составить вот такой неоднозначный договор. По нему я лишился не только контрольных пакетов акций, но и право голоса отдавал лондонскому филиалу, то есть Семёну, который хотя и мой сын, но ещё слишком молод и уже давно

больше гражданин Англии, чем Российской Федерации.

– Что мы можем сделать? – спросил я Андрея.

– Отменить встречу, сославшись на семейные обстоятельства.

– Как отменить? – удивлённо переспросил Альберт, Денис тоже вопросительно уставился на Андрея:

– Такие встречи не отменяют. К тому же, Крис Стоун – друг семьи и захочет почтить память Анны Андреевны присутствием на её похоронах.

То ли я услышал, то ли мне показалось, но когда Денис говорил о том, что Крис – друг семьи, в кабинете возникло напряжение. Неестественное что-то было в этой фразе. Не друг он семьи. Лены – возможно. Семёна – может быть. А вот является ли он моим другом – это под вопросом.

– Пусть приезжает, раз всё решено. Они прибудут завтра вечером. Послезавтра – похороны. Не до подписания договоров. А в четверг (на следующий день после похорон) президент летит в Китай, газовики и нефтяники тоже с ним. Можно и редкоземельщикам присоединиться. Я бы, Олег, с тобой тоже посетил Поднебесную, лишь бы не подписывать себе смертный приговор этим договором.

Андрей высказался крайне ясно. Я понял, что не мог даже планировать подписание этого договора ранее, если был в здравом уме. А был ли я в здравом уме? Может быть, потому и память потерял, что свихнулся?

Мои размышления прервал Альберт.

– Да, такой вариант возможен, – согласился Альберт, в его голосе слышалось облегчение, – ты же не можешь не сопровождать президента, если это его личное распоряжение.

Все посмотрели на Виктора. Именно ему предстоит получить официальное распоряжение Кремля. Чтобы не я напросился, а меня позвали. Ведь всё, что происходит в Кремле, быстро становится известным в Вашингтонском обкоме и Лондонском избиркоме. Поэтому я не могу просто так взять и позвонить премьеру или президенту, хотя, казалось бы, нет ничего проще. Мне нельзя светиться. Нужно официальное распоряжение Кремля, а не личные договорённости.

– Это реально, – коротко ответил Виктор, – но что потом, по возвращении из Китая? Крис покинет Россию через два дня. Но он будет настаивать на переносе даты. Долго тянуть не получится.

– Потом и подумаем, – подытожил я, – пусть пока наши юристы досконально изучат договор, может быть, найдут, к чему можно прицепиться. Да и передумать я, в крайнем случае, могу.

– Это непросто – передумать-то, когда дело имеешь с Лондоном, – сказал Виктор, – тут нужно думать и думать, как выкрутиться.

Когда Андрей, Денис и Альберт покинули зал заседаний, я обратился к Виктору:

– Что случилось? Как я попал в такую ситуацию?

– Мы не знаем, – признался Виктор, отводя взгляд в сто-

рону, – ты никогда раньше даже слышать не хотел о подписании чего-либо подобного. К тебе уже лет пять подъезжают. Но ты был кремень. А тут вдруг съездил в Лондон и договорился. Удивил многих. Особенно забеспокоился Кремль. Ты же понимаешь, потеря отрасли – это минус для России, как её потом вернёшь? И так уже многие из наших отвернулись от президента и начали распродавать и переписывать активы, боятся возвращения к тоталитаризму. В общем-то, есть чего бояться. Но страну жалко.

– А где ты был? – спросил я, недоумевая, почему он не остановил меня от такого шага.

– Вместе с тобой, – ответил Виктор, – я знал обо всех твоих передвижениях, почти везде тебя сопровождал сам, и всё-таки где-то недосмотрел. И ты ещё так некстати потерял память. Интересно, что ты захотел забыть? Ну, если учесть, что всё, что с нами происходит, – это следствие наших явных и неявных желаний?

Я понял, Виктор слышал все наши разговоры с академиком Зимницким. Впрочем, как офицер ФСБ, возможно, он и без этого знал, что такое подсознание и как оно работает, что у человека есть желания, которые он осознаёт, а есть – которые не осознаёт. И последние могут быть гораздо сильнее первых в плане своей реализации. Жизнь наша во многом складывается, исходя именно из этих желаний: мы её буквально лепим сами, не всегда осознавая, что именно лепим.

Теперь и от Виктора я услышал то, что уже не раз мы об-

суждали с академиком Зимницким, который также допускал версию, что я забыл что-то, что очень захотел забыть, а заодно и всю свою жизнь. Вот только загвоздка в том, что, если бы это была просто потеря памяти, связанная с психологической травмой, хоть какие-то её проблески можно было бы отследить в гипнозе. Но я знал, что у академика Зимницкого, одного из лучших гипнологов страны, ничего не получилось. Я и под гипнозом был чистым листом. Об этом я и сказал Виктору.

– Это и странно, – согласился он. О результатах нашей с академиком работы он, конечно, знал.

– Вдруг это не физическая и не психологическая травма? – предположил я.

– Всё может быть, – ответил Виктор и по его тону я понял, что моя потеря памяти никак не связана с травмой.

– Тогда что?

– Пока что остаётся только гадать, – Виктор неожиданно заторопился, и, сославшись на неотложные дела, удалился. Я не сомневался: он знает больше, чем говорит.

Послание с того света

Ночь я провёл со Светой. Сладкая тёплая ночь. Мы старались провести её так, как будто это была наша последняя ночь. Моя потеря памяти научила меня, что ценить надо каждое мгновение жизни, и проживать его, как в последний раз, во всей полноте и со всей силой. Света поняла меня: её жизненные переживания также показали ей, как хрупко человеческое счастье. Этой ночью она любила меня так иступлённо, так страстно, что лёд в моей душе растаял. Я чувствовал настоящий жар страсти, которая сжигала всё моё нутро, отогревая душу, прогоняя оттуда пустоту.

Мы не спали до рассвета. И когда темнота ночи уступила место свету утра, я ощутил, что пустота ушла. Я почувствовал свет, заполняющий мою душу, подобно тому, как первые солнечные лучи заполнили собой пространство. Наверное, это был свет любви. Другого объяснения я придумать не мог.

Света ушла до завтрака. Сегодня она уедет, и я её увижу нескоро. Месяц или больше. Целая вечность. Светик, милый Светик. Свети своему сыну сейчас, пока он в тебе очень нуждается. Но потом возвращайся ко мне. Я понял, что сделаю всё, чтобы эта женщина была со мной.

Утром опять пришёл Андрей. Целый день он и Виктор рассказывали мне о каждом человеке, с которым завтра на похоронах Анны Андреевны мне придётся увидеться и, воз-

можно, общаться. Я должен в лицо помнить всех, знать, с кем и о чём можно говорить, а кого достаточно поприветствовать одним кивком.

Конечно, Виктор всё время будет рядом. Также рядом будет и Андрей, чтобы в случае непредвиденных вопросов всегда прийти мне на помощь.

За этот день я узнал массу бытовой информации и подробностей о жизни каждого, с кем завтра придётся встретиться, причём эта информация была как положительной, так и не очень. Ни Андрей, ни Виктор не стеснялись выражений в описании тех, с кем я знаком, имел деловые или приятельские отношения, а подчас дружил. Вывод, который я вынес из их наставлений, – никому не доверять, самому ни к кому не подходить (сами подойдут, кому надо), можно не улыбаться американской улыбкой (в конце концов, мы будем на похоронах, а не на светском приёме), говорить мало (положение перенёсшего стресс и травму человека полностью оправдывает мою немногословность). Если окажусь в затруднительном положении, следует переводить разговор на что-то другое, резко вспомнить, что мне нужно к кому-то подойти, что-то сделать, отдать распоряжения – одним словом, выкручиваться, но не прокалываться.

С некоторыми людьми могут возникнуть сложности. И среди этих людей в первую очередь мои дети, которых я увижу уже сегодня вечером, а также Крис Стоун и сопровождающие его люди.

Я уже многое знал о своих детях, ведь Виктор и Андрей, а после обеда – Лена, рассказывали и рассказывали мне о том, как я обычно себя с ними вёл, о чём разговаривал, какие подарки дарил, об их привычках и нашем общем прошлом. Также я узнал всё или почти всё о Лондонском филиале и людях, которые там работают, о наших британских партнёрах, их вкусах и пристрастиях. Но вероятность того, что мы что-то не учли, и может произойти нечто непредвиденное, оставалась. Виктор и Андрей явно волновались, Лена старалась казаться спокойной, запивая вином свой страх, но мне он был очевиден. И только я не боялся предстоящих встреч. Я знал, что справлюсь. А если не справлюсь, Виктор и Андрей всегда будут рядом и помогут мне выкрутиться.

К вечеру моя голова шла кругом от огромного количества крайне разнообразной и подчас противоречивой и ошеломляющей информации. Например, завтра на похороны Анны Андреевны придёт Сергей Ярыгин с женой Викой. Сергей – мой с братом одноклассник, да и наши отцы служили в одной системе. И хотя его отец не стал сырьевым олигархом, при дележе советского пирога ему тоже кое-что досталось. В результате Сергей сейчас банкир. Его банк – один из самых больших и надёжных в стране, имеет филиалы за рубежом. Вика, жена Сергея, всю жизнь сохнет по мне, и Сергей это знает. Также он знает, что в какой-то момент жизни мы с Викторкой были любовниками. Знает и продолжает оставаться моим другом. Вот такая мыльная опера.

Мыльной оперой всю эту историю назвал Андрей, при этом ему пришлось объяснять мне, что это за жанр такой в современной киноиндустрии. То ли я этого никогда не знал, то ли забыл. Разговор плавно перешёл на телевидение, кино и театр, но вместить в себя ещё информацию о знаменитостях и других деятелях, которых обычно знает любой человек моего возраста, я уже был не в состоянии. Да и ни к чему этим засорять свою память. Будет нужно, тогда и спрошу.

Впрочем, некоторых деятелей культуры, с которыми когда-то был знаком лично и почти дружил, я уже видел: кое-кто навестил меня в течение этого месяца. Несколько минут вежливого участия и финансовые просьбы: нужны деньги на фильм, выставку, организацию юбилея известного композитора. Так я понял, что ранее всегда (или почти всегда) помогал Мельпомене финансами. Особенно никогда не отказывал министру культуры, ведь с ним мы были чуть ли не друзьями. Однажды даже на моём личном самолёте летали в Вену, на премьеру в Венской опере.

Виктор и Андрей остались у нас на ужин, после которого Виктор с Леной отправились в аэропорт встречать наших детей и англичан, а Андрей устроил мне проверку по финансовым делам. Я прошёл её успешно, и с удовлетворённым видом он покинул мой дом.

Было восемь вечера, Света уже давно уехала. Сейчас она, наверное, в аэропорту. Мысленно я пожелал ей удачи. Простились мы ещё утром, понимая, что увидеться сегодня вряд

ли удастся – слишком много мне надо успеть сделать к завтрашнему дню. И хотя до обеда она была в доме, мы с ней уже не пересекались. На смену ей приехал другой доктор, которого Виктор пригласил ко мне для знакомства буквально на минутку сразу после обеда. Достаточно молодой, лет тридцати пяти, тщательно следит за своей внешностью. Вот и всё, что можно о нём сказать.

– Почему не вернулась Виктория Сергеевна? – спросил я Виктора, резонно полагая, что ко мне вернётся женщина-доктор, которая сильно переживала, что я потерял память. С того дня, как я пришёл в себя, я её больше ни разу не видел, Света же сказала, что она уволилась. Собственно, я и имя-то её вспомнил благодаря Свете.

– С целью обеспечения твоей безопасности весь старый медперсонал распущен, вместо него набран новый, – Виктор жёстко отчеканил слова. Я понял, что затронул не ту тему. Но всё-таки, несмотря на его жёсткость, позволил себе удивиться: что за нужда была в этом, ведь Виктория Сергеевна с первого дня моего беспомыслия знала о нём.

– Поверь, это правильно, – только и ответил на моё недоумение Виктор, смягчив свой тон.

– Но Света ведь потом вернётся? – задал я важный для себя вопрос. Впрочем, пусть только попробует её не вернуть. Тут уже я вмещаюсь.

– Это твоё личное дело, – коротко ответил Виктор.

Когда все разъехались и в доме, не считая охраны, пер-

сонала и меня никого не осталось, я решил принять ванну. Проходя через спальню, я увидел на прикроватной тумбочке деревянную фигурку медведя, которую забрал у Анны Андреевны накануне. Вероятно, горничная, когда забирала в стирку мои вещи, обнаружила её в кармане ветровки, в которой я был в тот вечер.

Я взял фигурку в руки, присел на край кровати. Задумался. Впереди встреча с детьми. Как она пройдёт? Завтра на похоронах я увижу англичан, сегодня же они останутся в гостинице. Виктор и Лена решили, что так будет лучше. Крис едет не один, ещё семь человек делегации, не считая охранников и секретарей, сопровождают его.

Конечно, Крис сначала напрягся, когда узнал, что в моём дворце ему с дочерью жить не придётся, но когда узнал, что для них снят президентский номер в одном из лучших отелей в центре Москвы, успокоился. Лена объяснила ему нашу негостеприимность моим болезненным состоянием и наличием медицинского персонала в доме.

Пока я прокручивал в голове всё, что знаю о детях, в надежде, что хоть что-то ёкнет, отзовется, подскажет мне, как вести себя с ними, чтобы это было не по указке Виктора и Лены, а по моим собственным чувствам, фигурка медведя оставалась в моих руках. Руки машинально то ли крутили её, то ли ощупывали. Они, как будто знали, что делают. В какой-то момент одна рука нажала в одном месте, а другая потянула в другом, и медведь распался. Его нутро обнажило

небольшую выемку, в которой что-то лежало. Медведь оказался шпионским тайником. Ай да папа! Хорошую игрушку подарил маме!

В тайнике лежала небольшая карта памяти. Я уже знал, что это такое. Премьер, большой любитель электроники, во время своих визитов дарил мне то фотоаппарат последней модели, то защищённый мобильный телефон, то часы, которые одновременно можно использовать и как плеер, и как скрытую камеру. Все наши разговоры в основном сводились не к политике и финансам, а именно к технологиям и способам защиты от них. Очень увлечённый человек, да и я, по видимому, тоже раньше был под стать ему. Мне эти разговоры нравились.

Я понял, что разбираюсь в технике. Впрочем, мне легко давалась экономическая наука. И, как выяснилось, ядерная физика тоже. Сегодня утром до прихода Андрея и Виктора я с интересом прочитал около ста страниц из книги Дмитрия и всё в ней понял. В какой-то степени меня это удивило, но потом я решил, что, возможно, Дмитрий делился с братом, то есть со мной, своими открытиями.

Сейчас интуиция подсказала мне, что карту памяти нужно достать как можно незаметнее, ведь в спальне тоже может быть видеонаблюдение. Зажав её в руке, я собрал медведя. Надо же! Ни за что не догадаешься, что это тайник! На вид – никаких прерванных поверхностей.

Ванну лучше отменить. Я прошёл в свой кабинет, нашёл

недавно подаренный фотоаппарат и отправился на прогулку к реке. За мной, как обычно, на небольшом расстоянии увязались телохранители: Джон и Сергей. После отъезда Светы было решено, что доктор не должен больше присматривать за мной денно и нощно, достаточно двух осмотров в день. В случае необходимости я могу всегда его позвать, ведь он теперь будет жить в том самом коттедже, в котором месяц жила Света.

Делая вид, что прогуливаюсь по парку в направлении реки, я пощёлкал красивые пейзажи, всем своим видом показывая наблюдающим за мной камерам и секьюрити, что отдыхаю и фотографирую при этом. Когда я спустился к реке, то устроился на берегу подальше от деревьев и кустов, где могли быть глаза и уши, так, чтобы Сергей и Джон хорошо меня видели, и им не было надобности подходить ближе. Мой расчёт оправдался. Они устроились на скамеечке неподалёку, но достаточно далеко, чтобы я смог посмотреть, что за информацию хранила в тайнике Анна Андреевна. Можно было не бояться того, что наблюдающие за мной телохранители могут что-то услышать. Шум раскачивающихся на ветру деревьев надёжно защищал меня.

Я достал из кармана карту памяти, которую незаметно сунул туда, когда одевал толстовку (был прохладный ветреный день), вставил её в фотоаппарат и обнаружил два видеофайла. Первый файл представлял собой запись моего обращения к брату Дмитрию.

– Дмитрий, раз ты нашёл эту карту памяти, как мы с тобой и договаривались, в мамином тайнике, значит, со мной что-то случилось. Возможно, меня уже нет в живых. Я хочу, чтобы ты знал, что произошло. Вчера прилетел из Лондона, лучше бы я туда не летал вообще. Произошло два события, которые буквально сломали меня, надломили мой внутренний стержень. Сначала мне показали меморандум, написанный и подписанный сильными мира сего. Ты знаешь, о ком я. Они всё-таки решили уменьшить население планеты, а заодно пополнить свои карманы с помощью войны. Третьей мировой войны, в которой России опять отводится роль пушечного мяса. В этом меморандуме говорится о том, что на территории Восточной Европы, включая Россию, и Ближнего Востока будет развязана третья мировая война. Ядерная война. Меня не удивляет это решение, для них люди ничто. Меня потрясло другое: наши в этом участвуют. Кремль согласен развязать это безумие! Отсюда Донбасс. Это начало. Цель – создать напряжение между Россией и Западом, чтобы НАТО подтянуло на Украину и в Прибалтику свои войска, а Россия опять начала вооружаться. И ведь начала! Перевооружение армии идёт полным ходом. За Донбассом будет Сирия и Ирак.

Я думал, что сохраняя отрасль на плаву и даже приумножая и развивая её, я помогаю своей стране оставаться живой и, может быть, когда-нибудь вернуть былое величие. Поэтому я ранее парировал все предложения Криса о покуп-

ке контрольного пакета акций перерабатывающего холдинга. Крис говорит, что Англия не согласна с меморандумом, и они по-прежнему хотят видеть нашу страну сырьевым придатком Запада, но функционирующим, а не разгромленным придатком. Лондон сможет противостоять сам знаешь кому, сможет их убедить отказаться от военных планов, но для этого нужна слабая Россия, как при Ельцине. Сначала я в это поверил, хотя очевидно, что Лондон – это отчасти и есть они. Тем более, Крис. Он уже давно вне государств. Но сначала я согласился с доводами Криса, что передача контрольного пакета акций двух перерабатывающих заводов поставит под контроль военную мощь России и охладит её пыл, ведь редкоземельные металлы необходимы в военной промышленности и в электронике. Сегодня я должен был заключить договор с Крисом в обмен на передачу мне акций рудников в Африке, что означало бы слияние империи Айдашевых и Стоун. Я решил, что приму английское гражданство и останусь жить в Лондоне. Ты знаешь, наши с Леной позиции по этому вопросу расходились всегда. Но вчера они сошлись.

Потом случилось второе событие. Вечером Виктор устроил мне тайную встречу с агентом Ми 6, и я узнал, как умер Гоша Резников. Это не наши его устранили таким зверским и громким способом, что действительно совсем не свойственно ФСБ. Его убрала частная спецслужба, чтобы разгорелся скандал вокруг его имени, как будто Кремль мстит за передачу обогащенного комбината в руки Лондона. Этот скан-

дал явился дымовой завесой для сделки века: семейства решили, что все редкоземельные запасы планеты должны быть в одних руках, и эти руки, естественно, их. Соответственно, и наша сделка с Крисом – это поглощение отрасли. Я понял, что меморандум, который подтолкнул меня к решению продать акции заводов, возможно, такой же липовый, как все «песни» Криса о том, что он даст новый толчок развитию отрасли. Он передаст её в руки того, кто выше, кто член семьи. Впрочем, ходят слухи, что Крис в дальнем родстве с семействами. Возможно, рассчитывает на то, что они его примут за своего. Или уже приняли.

Вот такие дела, брат. Не знаю, что делать. Пока я думал, что Кремль уступает только там, где можно уступить, лишь бы не проглотили целиком, – это одно. Но теперь, когда я видел подписи, я не хочу в этом участвовать. И в то же время я понял, что мной манипулируют, и, если я продам заводы, меня ждёт судьба Гоши.

Поэтому я сбежал из Лондона. Я хочу лично спросить нашего президента о меморандуме. Хочу понять, что человек чувствовал, когда подписывал смертный приговор народу своей страны, как он с этим живёт. Если, конечно, подписывал. Остаётся доля сомнения, огромная доля сомнения, ведь я знаю его лично. Несмотря на его твёрдость и где-то безжалостность, он умный и дальновидный политик. Это сомнение меня и держит. Не могу поверить и не могу смириться. Разве ради этого всё затевалось? Ведь когда Союз разва-

ливался, планировалось, что на самом верху всегда будут наши. Что Россия, подобно подлодке, окружённой вражеской флотилией, вместо того, чтобы быть потопленной, уйдёт на дно, а потом вынырнет где-нибудь в стороне. Целая и невредимая.

Очень хочется верить, что этот меморандум – фальшивка. В таком случае, скольким людям во всём мире он ещё запудрит мозги! Правда, на доктрину Даллеса по развалу Союза тоже все говорили и говорят до сих пор, что это фальшивка. Вот только всё, что там написано, уже выполнено. Так что, может быть, и фальшивка, но с далеко идущими последствиями.

Виктор как-то странно себя повёл, когда увидел меморандум: он как будто был не против нашей с Крисом сделки. Он заявил, что наша задача сохранить мир любой ценой. Я ему всегда верил, как тебе, ты знаешь. А теперь и в нём сомневаюсь. Он способен на многое, но я всегда считал его идейным и за это уважал. Ты знаешь, Виктор уже много лет спит с Леной. Я сам дал добро на их связь, лишь бы ей было хорошо и спокойно. Вдруг Лена его перетянула? Она уже давно больше «англичанка», чем русская. Она в рот смотрит Крису, спит и видит, как Семён и Лиз поженятся. Ведь Крис – не последний человек в Англии, и далеко за её пределами тоже.

– Брат! Если ты это смотришь, значит, меня нет в живых. Береги себя и свою семью! В страшные времена живём.

Запись закончилась. Мой мозг усиленно работал, сопо-

ставляя факты холодно и без эмоций. Хорошо всё-таки, что я лишился памяти. А то бы распереживался. Вряд ли бы мне это помогло. С другой стороны, плохо, что я лишился памяти, потому что не помню, что же всё-таки со мной произошло, поговорил ли я с президентом.

Я понял, что никому, тем более Виктору и Лене, доверять нельзя. Заинтересовало меня и то, что запись была сделана в Лениной спальне. По-видимому, это единственное место в доме, где нет камер. И я это знал. Значит, знал и о прослушке, которая появилась не вот только что, когда случилась трагедия с братом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.